АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ РУКОПИСЕЙ
им. Х. СУЛЕЙМАНОВА

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА ВОСТОКА

ЗАХИРИДДИН МУХАММАД БАБУР

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА

Издательство ЦК Компартии Узбекистана
Ташкент — 1982

Перевод с узбекского

В настоящее издание вошли газели, рубаи, двустишия и другие лучшие образцы поэтического наследия замечательного мастера слова Захириддина Бабура, внесшего весомый вклад в развитие узбекской литературы. В этой книге читателю предоставляется возможность ознакомиться с произведениями поэта, которые не вошли в издания прошлых лет.

Составитель **Саидбек Хасанов.**
Редактор **Азиз Каюмов.**
Рецензент **Л. Серикова**

Б 12

Бабур, Захириддин Мухаммад.

Избранная лирика: Пер. с узб. (Редкол.: Абдурахманов Ф. А. и др.; Сост. и (предисл.) С. Хасанова). — Т.: Изд. ЦК КП Узбекистана, 1982 — 128 с. — (Избр. лирика Востока.)

В надзаг.: АН УзССР. Ин-т рукописей им. Х. Сулейманова.

Уз1

ПОЭЗИЯ БАБУРА*
(1483—1530)

Захириддин Мухаммад Бабур — один из крупных представителей узбекской литературы XVIв. Он продолжил творческие традиции Низами, Хосрова Дехлеви, Лутфи, Навои. Произведения Бабура отличаются глубокой содержательностью и художественной завершенностью. Его сложный жизненный путь, противоречивое мировоззрение нашли свое отражение в богатом литературном и научном наследии автора, которое определяет его место в истории узбекской литературы.

Особое место среди его произведений занимает знаменитое «Бабур-наме» («Книга Бабура»). «Бабур-наме» — признанный образец узбекской классической прозы и выдающийся памятник узбекского литературного языка XV—XVIвв. Бабур свои мемуары писал простым, но в то же время блестящим, общедоступным языком, отличающимся исключительной лаконичностью. Это произведение как единственный в своем роде источник по истории народов Центральной Азии на протяжении столетий остается настольной книгой историков, этнографов, филологов, географов и представителей естественных наук. Поэтому-то с XVIв. его перевели на все культурные языки народов мира.

Кроме того, за свою недолгую жизнь Бабур создал небольшой сборник стихотворений, поэтические произведения «Мубаййан» («Комментированное») и «Рисолаи волидия» («Трактат родительский»), им разработано новое письмо под названием «Хатти Бобурий», он внес известный вклад своими трактатами в изучение аруза (системы стихосложения), рифмы, музыки и военного искусства.

---

* В настоящем издании лирика Бабура подготовлена на основе сборника «Бабур. Избранные сочинения», опубликованного в 1959 г. Академией наук УзССР (составители С. Азимджанова, А. Каюмов), с пополнениями газелей и рубаи в переводе поэта А. Наумова.

В поэзии Бабур еще более усовершенствовал жанр газели и рубаи. Как прекрасный лирический поэт он сумел выразить все тонкости движений человеческих чувств. Его лирика — это гимн красоте и земной человеческой любви. Хотя его лирическое наследие по объему не очень велико, оно отличается широтой тематики, богатством изобразительных средств и совершенством стихотворных форм. Лирика Бабура включает в себя такие жанры, как газель, рубаи, кытъа, масневи, фард и муамма.

Одна из важных сторон поэзии Бабура состоит в том, что его стихи неразрывно связаны с историческими событиями и явлениями. Бабур смело выступал против пороков общества своего времени, разоблачал их тлетворное влияние. В стихах поэта подвергаются резкой критике недалекие служители религии, фанатичные шейхи и аскеты. Против их неуместных упреков и притязаний он направляет острие своего пера:

Добродетелен или порочен, влюблен или скромен я —
Что за дело тебе-то, аскет? У меня своя воля есть.

(Перевод Р. Д. Морана)

Большое место в поэзии Бабура занимают мотивы любви к родной стране, тоски по родине. Тяжелые душевные переживания, порожденные разлукой с любимой родиной, выражаются в ряде рубаи-писем Бабура, как стон сердца:

Чужбина — клетка, в ней постыло все, немило,
Давно моя душа, как птица, загрустила.
Что претерпел я здесь, мне трудно описать:
Смывают слезы глаз с лица письма чернила.

(Перевод Н. И. Гребнева)

Нет родины и счастья боле нет,
И ничего уж, кроме боли, нет.
Я в этот край пришел своею волей,
Его оставить силы воли нет.

(Перевод Н. И. Гребнева)

Чтобы по праву носить имя человека, считает поэт, необходимо быть достойным его высшего назначения. Быть правдивым, справедливым, по мнению Бабура, есть главный признак высокой нравственности.

Где-бы ты ни был, будь правдивым и справедливым.
Вспомнят люди: вот такой — ты был счастливым.

(Перевод С. Р. Хасанова)

Следуя традициям Алишера Навои, Бабур в своем творчестве ставит на первый план воспевание настоящего человека, возвеличивает его. Он призывает высоко ценить достоинство человека. По его мнению, интересы простых людей постоянно должны находиться в центре внимания:

Страною правя, чти людей труда,
От них не отделяясь никогда.
Забудь свои пристрастья и обиды,
Внимай их бедам, а не то — беда.

(Перевод А. Наумова)

И в других своих произведениях на морально-этические темы Бабур на основе конкретных событий своей жизни и всего пережитого делает определенные поучительные выводы:

Я слышу снова шум пиров и пьяных драк —
Подлунный мир, увы, походит на кабак.
Не слушайся врага, внимай совету друга,
А друга не поймешь, обрадуется враг.

(Перевод Н. И. Гребнева)

В опьяненье всю жизнь пребываешь ты, сердце. Как жаль!
Но отныне, прошу тебя, будь хоть немного трезвей.
Хочешь цели достичь — от беспечного сна пробудись,
Тот, кто бодрствует больше, — удачливей в жизни своей.

(Перевод Р. Д. Морана)

Когда мы знакомимся с поэтическим наследием поэта, Бабур предстает перед нами во всем величии своего облика, как крупный мастер художественного слова, внесший большой вклад в развитие узбекской литературы.

С. Р. Хасанов

ГАЗЕЛИ

1

Я наперсницы, кроме души своей, — не нашел,
Бескорыстней, чем сердце свое, — друзей не нашел.

В человеческом сердце я столько ран не видал
И сердечного плена нигде страшней не нашел.

Поневоле терплю я разлуки ад: сам себя
Я достойным для рая свиданья с ней не нашел.

Что же делать? Отправлюсь опять стучать в этот рай,
Хоть нигде неприступных таких дверей не нашел.

Приучись без подруги своей век прожить, о Бабур,
Если верности ты на земле на всей не нашел.

2

Я без тебя весь пожелтел, словно осенний листок поблек.
Щеки твои — алый тюльпан, строен и тонок стан-
стебелек.

Как ты горда, роза моя, как равнодушна к боли моей!
В прах я упал к милым ногам, словно осенний желтый
листок.

Роза моя, вечно цвети, — славен тобою жизни цветник.
Не увядай, хоть бы меня ветер печали на смерть обрек.

Кровь моих слез, лица желтизна людям, как осень, стали страшны,
Но от людей сам я давно, слава аллаху, очень далек.

Что за судьба выпала мне? Каждый находит счастья звезду,
Неба тетрадь я излистал — этой звезды найти я не мог.

Что мне хула, что мне хвала, что мне, Бабуру, мненье людей?
Цену познав злу и добру, в мире земном я так одинок!

3

Клятвы твои, твои обеты — где это все?
Ласки твои, любви приметы — где это все?

Я от тебя ушел в смятенье — вспомнила ль ты,
Где твой Меджнун, где страсть поэта? Где это все?

Речи твои лекарством были скорбной душе.
Где же теперь лекарство это? Где это все?

Как же тобой забыт так скоро бедный Бабур?
Клятвы твои, любви обеты — где это все?

4

О, приди! Жить в могиле разлуки до каких мне пор без тебя?
О, доколе еще этой муки мне терпеть позор без тебя!

Если б снова сверкнули два солнца, два глаза твоих предо мной!
Пусть ослепну от света, но только б не потух мой взор без тебя.

Если б кудри твои мне увидеть — и смятенным стать навсегда!
Но мечта затевает напрасно против яви спор без тебя.

Я люблю тебя так, что вошел бы даже в ад с тобой, словно в рай,
Но и в рай не заманишь Бабура: наслажденье — вздор без тебя!

5

Не зевай, виночерпий, весна коротка — торопись!
Дай вина покраснее, но из погребка торопись!

Не дано человеку в свой завтрашний день заглянуть —
Если жив ты сегодня, будь весел пока — торопись!

В том свиданье блаженство, когда ты с любимой вдвоем:
Без соперника встреча легка и сладка — торопись!

Против силы печали — одно только средство, Бабур:
Пей вино и рассеять печали войска торопись!

6

Весело мы пировали вчера! Всем на пиру таком хорошо!
Очень приятные гости сошлись, каждый мне был знаком
хорошо!

Благопристойно беседа велась, не было глупых, путаных
слов,
Здравицы произносились красно, кто-то блеснул стишком
хорошо,

Хоть не заморское было вино, крепость его отменна была.
Время бежало между одним и меж другим глотком
хорошо.

Музыка, пение, сласти, вино, — не было недостатка ни
в чем.
Не было скуки! Устроен был пир истинным знатоком
хорошо.

Люди хмелели, шумели, у всех пьяной слезой туманился
взгляд.
Эти — от хохота плачут, а те — давятся жирным
куском... хорошо!

Стали друг друга по-пьяному чтить, лбом об лоб усердно
стуча.
Спутались головы, ноги... Весь дом вертится кувырком...
хорошо!

Новая полночь настала — гостям время пришло идти по
домам.
Трезвому — лучше в седле восседать; если подвыпил —
пешком хорошо.

Я же, собой не владея, уснул, чувствую — кто-то будит меня:
Месяцеликая пери, чей взгляд все мне открыл тайком хорошо!

Милые гости, простите меня, если сболтнул я глупость вчера:
Выпил Бабур. И царю простаком стать порой под хмельком хорошо!

7

На чужбину заброшен, жестокой судьбой угнетенный прошу:
Помяни хоть в молитве меня — от тебя отлученный, прошу.
Беззаветность любви, безграничную верность тебе доказав,
Только памяти доброй твоей, злой разлукой казненный прошу.

Если в бездну страдания ввергнул меня мой китайский кумир,
Вся надежда на бога — и воли его благосклонной прошу.

Мне в разлуке ни радости нет, ни забвенья хотя бы на миг.
Без любимой не жизни, а смерти, смертельно влюбленный, прошу.

Моему кипарису привет от Бабура снеси, ветерок.
Прах пред ним поцелуй — так я, заживо здесь погребенный, прошу.

8

Как я сонное счастье свое разбудить, о боже, хочу!
Этот гибкий, податливый стан я обвить на ложе хочу.

К этим сладкоречивым губам как хочу губами припасть!
Эту розоподобную плоть целовать до дрожи хочу.

Словно солнце — лицо... Нет, Бабур! Новолунья —
брови... стыдись!
Я сравненья такой красоте подыскать дороже хочу!

9

Пришла весна — и снова степь, как райский сад, цветет.
Кто наслаждался и зимой и летом, счастлив тот.

О чем дутар звенит, о чем поет певец? Пойми:
Они сулят блаженство тем, кто сбросил груз забот.

Любимая, ты — Мекка мне, тебе поклоны бью.
Молчи, ханжа! Твои уста — источник нечистот!

Не только нежность, но и гнев любимой, даже брань —
Благодеянье для тебя, о сердце-сумасброд!

10

Кто больше, кто был жесточе судьбой избит на земле?
Кто больших, горших изведал ее обид на земле?

Я вновь тобою унижен, соперник мой вознесен,
Но в мире ложь торжествует, правда скорбит на земле.

Несправедливое солнце! Чем ты меня воскресишь?
Найдется ли благородство, верность и стыд на земле?

Едва познал я влюбленность, свою увидел я смерть.
Какой же страх еще больший меня устрашит на земле?

Пойми, что недаром жаждет иного мира Бабур:
Какой услады напиток не ядовит на земле?

11

Я узнал тебя, украшенье вселенной, — увы, зачем?
Отщепенцем стал, жалкой тварью презренной — увы,
зачем?

На ветвях любви лишь раскаянье зреет, обида, боль.
Я открыл тропу в сад любви вожделенной — увы, зачем?

Ни очей ее, ни речей, ни улыбок не знать вовек!
Даже слово «страсть» в жизни, тягостно бренной, — увы,
зачем?

Так займись, Бабур, чем угодно, отныне — забудь
любовь!
Хмель надежд и похмелья чад неизменный — увы,
зачем?

12

О какой клевете говорить? Все дела соперников — ложь.
И какую мне рану открыть? Ты меня изранила сплошь!

На какие блужданья роптать всей моей заблудшей
судьбе?
Колеса злококоварных небес ты с кривых путей не сведешь.

О какой мне поведать тоске, о каком опасенье кричать?
Кровожадной разлуки рука ведь уже вонзила свой нож.

Если в собственном даже краю ты забыто милой своей,
На чужбине, о сердце мое, неужели верность найдешь?

Что соперников злоба тому, кто от милой так пострадал?
Если роза так больно язвит, то чего от терния ждешь?

13

Как лепестки розы, полно сердце мое все кровью до дна,
Весны придут, весны пройдут, — сердца весна, увы, не видна!

Выйду весной в сад погулять без лукобровой пери моей,
На кипарис только взгляну — будто стрелу вонзила она.

Что мне весна, что мне цветы? Кудри любимой — как гиацинт.
Роза — лицо, стан — кипарис, вся, как весна, — мне пери одна!

Трудно снискать милость ее, радости встреч ты с нею не жди.
Но за одну встречу легко может быть ей вся жизнь отдана.

Вкруг головы пери своей в жизни порхать ты думал, Бабур.
Труп мой несут мимо нее — роза в окне рыдает, бледна.

14

Клянусь, что и день в разлуке мне быть с тобой нелегко.
Но ладить с тобой, как с темной моей судьбой, нелегко.

Твой нрав прихотлив, ты очень резка, а я сумасброд,
И чести мужской униженной стать рабой нелегко.

Что плач мой, что стон, коль счастье мое, как мертвое, спит?
Не только мольбой — его разбудить пальбой нелегко.

Сто тысяч врагов повергнуть во прах нетрудно, Бабур!
Прожить без любви, будь ты и герой любой, нелегко.

15

Что о судьбе думать моей? Слишком всесильна печаль.
Где же приют сердцу найти? Ехать в какую мне даль?

Пьяный вертеп, божий ли дом — все предо мной на замке.
Здесь постучусь, там постучусь — разве бездомного жаль?

В мире земном что мне сказать жалкой породе людской?
Слушать их речь? Но человек — или невежда, иль враль.

Что тебя ждет в мире земном, лучше, Бабур, не гадай!
Что суждено, то суждено! А в размышленьях — печаль!

16

Я томлюсь, зачарован твоим разноцветным платком,
Душ томящихся нити, наверное, собраны в нем.

К розам щек он порой приникает, и не потому ль
Он зовется «сплетающим розы» и «роз цветником»?

Он с лужайкою схож, что фиалками сплошь заросла,
Где колючек лишенные розы теснятся кругом.

Сотням — скорбь, сотням тысяч — безумье принес твой платок,
Ибо он твоих губ не однажды касался тайком.

О подруга, к мечу привяжи свой платок, и тогда —
Не беда, если сердце мое ты разрубишь клинком!

Будет счастлив Бабур, если даже, мелькая вдали,
На него твой платок лишь повеет слегка ветерком.

17

Пусть эта любовь сулит одно лишь страданье мне,
От милой не отрекусь — больней расставанье мне!

Как быть с подругой такой? Другому она верна,
Неверностью отравив существованье мне.

Что странного в том, что я мгновенно безумным стал?
Ведь послано вдруг судьбой такое созданье мне.

О лекарь, немощь моя все горше от горьких слез,
Увы, даже воздух здесь стесняет дыханье мне.

Ты видишь: недуг любви таится в душе моей,
И ты исцеленье дать не в состоянье мне.

Возлюбленного выбирать подруга сама вольна,
Сердиться в конце-концов нет основанья мне.

Бабур, ты во все глаза глядишь на ее тропу:
О, если бы хоть одно досталось свиданье мне!

18

О, если и в день свиданья я сломлен судьбой моей,
Не диво, что ночь разлуки мне смерти самой страшней.

И радуясь, помни, сердце, что кудри ее черны,
Ты черных ночей разлуки бойся в дни встречи с ней.

Ты в пасти дракона, помни; с опаской всегда смотри
На ямочку подбородка — колодца казни грозней.

Ведь если забыт тобою бутон этих алых губ,
От раны какой кровавой ты стала розы красней?

Наверное, весть от милой подобна чуду Исы:
Душа возвратилась в тело, что мучалось столько дней.

Не родинки под кудрями пленяют тебя, Бабур:
То зерна в силке для поимки птицы души твоей.

19

К чему мне райский кипарис, когда твой стан передо мною?
Что с гиацинтом делать мне, плененному кудрей волною?

Кто станет воду Хызра пить, когда уста твои так близки,
И кто Мессии речь сравнит с твоей беседою живою?

Придя к влюбленному, его предметом зависти ты сделай,
Как возбуждаешь зависть ты в подругах, славных красотою.

На шумных пиршествах, в толпе, вдали от нас ты
веселишься,
Но, радости вкушая хмель, — и нас ты вспоминай порою.

Что мне людских насмешек яд — ведь есть услада уст
любимых,
Чья влага может оживить плоть, разлученную с душою?!

В любви позора не страшись. Чтоб зваться истинным
влюбленным,
И честью ты пренебреги, и доброй славой, и молвою!

Бабур, ты, словно соловей, нашел приют у этой розы,
Так пой же, если ты избрал себе пристанище такое!

20

Избавился от мира я: мне смертный сон послал творец.
Когда соскучитесь, друзья, я вам приснюсь, ваш
друг-певец.

Подвижничество, распри, труд — какая это суета!
Какой бы ни была судьба — у жизни есть один конец.

Сей измельчавший, бренный мир, пойми, не стоит наших
слез,
Утрату жалких благ земных оплакивает лишь глупец.

О сердце, кто еще в наш век, как я, испытан мерой мук,
И так измучено, как ты, какое из людских сердец?

Ни на мгновенье, о Бабур, не отдыхал ты от людей;
Умру — тогда я, может быть, от них избавлюсь наконец.

21

Эй, кравчий, шевелись живей! Всю эту ночь, не затихая,
Пусть влагой пламенной твоей кипит пирушка озорная.

Подай нам чистого вина, ведь полночь лунная ясна,
Сияй, лучистая луна, будь радостной, душа хмельная!

Забудь о горестях земли, веселья келью насели,
Сердца друзей возвесели звучаньем чанга, пеньем ная.

Все громче пьяный шум и смех, остановиться, право,
грех:
Всех напои, свали нас всех, за чашей чашу подавая!

Но оглянись, Бабур, вокруг: где твой доброжелатель,
друг?
Где тучка вешняя, что вдруг могла б, как ты, всплакнуть,
вздыхая?

22

Того, кто месяцы и годы скорбит, чей горек путь,
Ни Новый год, ни праздник долгий не веселит ничуть.

Когда ты вынужден из чаши судьбы лишь кровь глотать,
Хоть осуши Джамшида чашу — услады не вернуть.

Не говори мне, собеседник: «Твоя страна», «Твой друг»,
Пойми — мне чужды люди мира, враждебна мира суть.

К чему мне Новый год без милой? Что праздник без тебя?
Мне год любой и месяц — праздник, лишь ты со мною
будь!

Когда б рыдал Бабур в разлуке — сложил бы песню мир
Из гулких стонов, тихих вздохов, потрясших эту грудь.

23

Душе моей не были в жизни веселье и радость даны;
Не трать на печаль ни минуты, ни часа короткой весны!

Увы, моей жизни монета катилась печали путем,
Мне были разлука, чужбина, удары судьбы суждены.

Извивы кудрей вспоминаю — и пламенных вздохов
дымы,
Крутясь, извиваясь, восходят из уст, даже ночью видны.

Покамест красавица эта еще благосклонна ко мне,
Ни с кем не хочу я общаться — зачем мне Адама сыны?

Бабур ото всех отвернулся, к подруге лицо обратив:
Ему в целом мире отныне другие друзья не нужны.

24

Я обезумел от любви, не в силах скрыться никуда,
Среди влюбленных ни один не знал подобного стыда.

Благочестивым подражать пытался в жизни я не раз,
Но лишь безумием своим я в мире славился тогда.

С моей любимой разлучен, лишь кровь я приучился пить,
И мне отрада от вина теперь воистину чужда.

Шейх запретил стихи писать, пока я зрелость не обрел.
С таким незрелым стариком ну просто сущая беда!

Не диво, если дурачком Бабура сделает любовь,
Известно: мудрость и любовь не совпадают никогда.

25

Тюльпан и зелени узор — ланиты нежные с пушком.
Газель среди тюльпанов гор — твой глаз, блистающий огнем.

Твоим сияньем смущены, все гурии вокруг грустны,
Не так ли ясный диск луны туманным обведен кружком?

С другими ты была мила, со мною — жестока и зла,
Другим ты верною была, а мне — то другом, то врагом.

Страданий я познал предел, с тобою сон мой улетел,
Печаль и слезы — мой удел, пока чернеет ночь кругом.

Страница моего лица вся в строчках слез, им нет конца;
Взяв их для этого столбца, Бабур воспел тебя стихом.

26

Гонец мне доставил письмо, и меня воскресил твой листок,
Как будто приказ оживить сумасброда прочел я меж строк.

Без солнца лица твоего и без жемчуга сладостных уст
Из глаз моих слезы бегут — драгоценных жемчужин поток.

Зачем ты укрыла свой стан под волною душистых волос?
Ты пряди свои подбери, чтоб лицом любоваться я мог.

Вдали от пьянящих очей я к вину пристрастился, друзья,
И твердо теперь заучил я дорогу одну — в погребок.

Свечою твоей красоты обожжен безнадежно Бабур.
Когда же ты вновь прилетишь покружить надо мной, мотылек?

27

Из-за черных кудрей нет мученьям предела опять
Из-за черных бровей жизнь моя потемнела опять.

Я ребенку прелестному сердце вручил, но боюсь:
Разобьет его это дитя неумело опять!

Сто дурных ее дел оглушили, о сердце, тебя,
Что ж теперь от нее ждешь ты доброго дела опять?

Дети камни швыряют в меня — ей нисколько не жаль
И под градом камней я кричу ошалело опять.

Убежать бы Бабуру — но как от нее убежишь?
Из-за черных кудрей нет мученьям предела опять.

28

Без луноликой не светло от солнечного света,
Несладок сахар без нее, чья сладость мной воспета.

Без тонкостанной — кипарис мне грудь стрелой пронзает,
Без розоликой — нет у роз ни запаха, ни цвета.

Что стану делать я в раю? Хочу быть с нею рядом,
Зачем же мне другой приют в садах другого света?

Пусть голову из-за нее тебе, Бабур, отрубят,
Но невозможно оторвать от милой сердце это!

29

Мне красавица эта, чья плоть так нежна, — нужна,
Словно солнце, чьим светом душа зажжена, нужна.

Мне, упавшему ниц, не михраба священный свод —
Эта бровь, что искусницей насурмлена, нужна.

С головою, о сердце, простись, — иль влюбленных путь
Обходи, коль тебе непременно она нужна.

Всякий, павший к ногам ее, может к устам припасть,
Коль ему лишь могила для вечного сна нужна.

Что с того, что с тобой неприветливы все, Бабур?
Ведь тебе лишь улыбка подруги одна нужна.

30

Благо тому, кто, с милой простясь, край свой покинет.
В мире бродя, свободу избрав, страсти отринет.

Благо тому, кто к миру сему стал безразличен —
Ввысь ли его судьба вознесет иль опрокинет.

Силой нельзя душе навязать жителей мира,
Тот, кто живет вдали от людей, — бедствия минет.

Люди земли — враги и беда для человека,
Пусть даже кровь за них он прольет, горы раздвинет.

Краем родным обижен Бабур, милой обижен,
Благо тому, кто, с милой простясь, край свой покинет.

31

Если б я знал, что разлука убьет меня злая,
С милой до смерти я жил бы, печали не зная.

Адом пугают... Но перед пожаром разлуки
Адское пламя не больше чем искра простая.

Солнце мое и крупицы любви не дало мне,
Хоть я и слезы, как звезды, ронял, не считая.

Если она сто Лейли красотою затмила —
Я ста Меджнунам подобен, от страсти страдая.

Воду живую, о Хызр, ты весьма превозносишь,
Но не волшебней ли винная влага густая?

Если твой стих, о Бабур, слушать царица будет,
Каждое слово жемчужиной станет, блистая.

32

Когда позволишь, о душа, войти мне в благостный
твой сад?
Увидимся ли мы с тобой, пройдет ли тягостный разлад?

Подруга, отвори уста — их свежей влаги жажду я,
Глаза открой и посмотри — меня околдовал твой взгляд.

Едва захочешь красотой померяться с моей луной,
О солнце, значит, близок день, когда настанет твой закат!

Ты, голубь, к ней несешь письмо... Что, если к твоему крылу
Я сердце привяжу свое и с ним ты полетишь назад?

Исчез, как призрак, гибкий стан... Подруга, вспомни обо мне!
Бабур настигнет призрак твой и через тысячу преград!

33

Кинжалом пери, соглядатай, меня пугать не смей,
Сочту любой удар любимой удачею своей.

Я родину свою покинул, вокруг тебя кружусь;
Не будь жестокой к чужеземцу, скитальца пожалей.

Когда она, принарядившись, выходит из ворот,
Как сохранить я свой рассудок могу при встрече с ней?

В моей груди стрела застряла, о лекарь, погоди,
Не извлекай ее оттуда, не делай мне больней!

Ни разу не внимала роза твоим стихам, Бабур:
Какое дело гордой розе, что стонет соловей?

34

Как юродивый бьюсь о ворота твои головой,
Чтобы я не ушел, мне дорогу к свиданью открой!

Перед станом твоим стал расхваливать стан свой платан,
И садовник сломал, бросил в печь этот ствол молодой.

Ты меня умертвила намереньем встать и уйти,
Ты осталась — и, слава аллаху, я снова живой.

Я вручил тебе сердце, пока ты подругой была,
Мне теперь оно спутником стало, разбито тобой.

Целясь в сердце мое, лук бровей натянули глаза
И готова расстаться ресница-стрела с тетивой.

А когда эти кудри шальной ветерок растрепал,
Душу по ветру бросил и разум развеял я свой.

Горя цепь мне грозит или меч мое горло пронзит —
Но с дороги любви не сниму свой дозор боевой.

Глаз ее — мой убийца, а губы даруют мне жизнь,
О Бабур, весь иссох ты, хоть слезы и льются рекой!

35

Кому владычицы души, подобная моей, досталась,
Тот будет господом храним повсюду — что бы с ним ни
сталось.

По улице ее брожу и умоляю: если богом
Забыт не буду, чтоб и здесь хоть память обо мне осталась.

Когда от милой ухожу — из сердца горе не уходит,
Когда я к милой прихожу — к ней в сердце не приходит
жалость.

Зачем я от нее терплю обиды и несправедливость?
Гордячка склонностью к любви ведь никогда
не отличалась.

Зачем, в слезах, я вновь и вновь стучусь в знакомые ворота?
От слез Бабура никогда ее гордыня не смягчалась...

36

Пусть речь твоя меня разит, как меч,
Спасают губы то, что губит речь.

Две пламенные розы щек твоих
Увы, до тла меня грозятся сжечь.

Я отдал бы все блага двух миров,
Чтоб взгляд своей владычицы привлечь.

Тоски по милой не стыдись! Тоска,
Как друг, не даст тебе в разлуке слечь.

Рассудок, воля от меня ушли,
Пора меня от страсти уберечь!

Пойми, Бабур, пушок ее ланит —
Письмо коварной, что не хочет встреч.

37

На этот мяч у ног и на човган в руках взгляните,
Вы на округлость щек, на кудри в завитках взгляните.

Взгляните: вот платан проходит по тропе, качаясь,
А вот ее скакун летит, взметая прах, взгляните.

Когда с ужимками на площади она гарцует,
Сто горемык за ней следят с тоской в глазах — взгляните.

Ужели должен я мишенью стать для стрел упреков?
Как много стрел ее ресниц сидит в сердцах, взгляните!

Она зовет: «Бабур, приди, поговорим!» Пришел я...
На то, как с правдой ложь сплелась в ее речах, взгляните.

38

Ты, чей лик — нарцисс, ты, чей стан — самшит,
Сколько мне еще нанесешь обид?

Мир не знал такой баловницы злой,
Шалой, озорной, скромницы на вид.

Мастерица лгать, мучить, привлекать,
Чтобы гнать и звать, позабыв про стыд.

Но тоска по ней всех обид больней,
Сердце все сильней по луне скорбит.

Слез, Бабур, не прячь... О кумир-палач!
Сладок этот плач, гнет не тяготит.

39

Где найдешь кипарис, этой пери прекрасной подобный?
Где найдешь лепесток, этой коже атласной подобный?

Много ль в мире сердец, бессердечней ее, безучастней?
Есть ли в мире глупец, мне влюбленностью страстной подобный?

Для души моей слабой зерно этой родинки темной
В дни разлуки закваске тоски ежечасной подобно.

Что мне рай, если я не найду у любимой приюта?
Эта улица — райской обители ясной подобна.

Не вино — пейте кровь на пиру, если там не найдется
Юный кравчий, шалунье моей сладкогласной подобный.

Оседлав скакуна, это солнце сжигает Бабура:
Жгучий ветер — скакун, пламя — всаднице властной подобно.

40

Слава аллаху! Радость пришла и мук не осталось.
Утро сближенья блещет, ночей разлук не осталось.

Стал я беспечным — я позабыл заботы и страхи,
Стал я веселым — горя и тьмы вокруг не осталось.

Отдохновеньем награждено усталое сердце,
Где его раны? Где мой былой недуг? — Не осталось!

Нет между нами больше преград. Медлить зачем же?
Было терпенье, стойкость была — их вдруг не осталось.

Счастлив Бабур, что, наконец, судьба нас связала,
И на судьбу жалоб теперь, мой друг, не осталось.

41

Не говори: «Ее стрела меня пытать пришла!» —
Она безжизненному жизнь, спасенье дать пришла.

Брось о живой воде болтать, уйди-ка лучше, Хызр!
Жизнь бесконечная ко мне, как благодать, пришла.

Объят простором дом ее... Простой ли это дом?
Вся синева небес к нему с высот блистать пришла.

В час ожиданья хорошо услышать чей-то крик:
«Подарок за благую весть! Она опять пришла!»

Я умирал в тоске, но вдруг любимая моя,
Когда добычей смерти я готов был стать, пришла.

Вступил я, страстью изъязвлен, на путь небытия,
Где тьма скитальцев, в чьих сердцах любви печать,
прошла.

Лишь в одиночестве ищи покоя, о Бабур!
Твоею плотью и душой скорбь обладать пришла.

42

Окончен пост, господь мне милость шлет:
Любовь пришла, и с ней пришел почет.

Я знаменит из-за любви к луне,
Чей стан — алиф, рубин — румяный рот.

Вдали от этих глаз, кудрей и губ
Я тенью стал, игралищем невзгод.

Сжигают сердце вздохи — этот вихрь,
Наверно, силу пламени дает.

Красавицей жестокой я сражен:
Начертан небом стрел ее полет,

Отчаян ли твой стон иль приглушен, —
Бабур стряхнуть не может пыль забот.

43

Та, что подругою души столь славною казалась,
Показываясь лишь на миг, — злонравной оказалась!

К ногам любимой голова моя клонилась низко,
А гордо поднятой еще недавно мне казалась.

Другой рассудка не терял из-за жестокой пери,
Но ей любовью та игра тщеславная казалась.

Раз существует в мире страсть, то праведность,
смиренье —
Одни слова; что в них есть смысл — нам явно показалось.

Ну что поделаешь, Бабур! Врагом жестоким стала
Та, что подругою души столь славною казалась.

44

Повеял мира аромат от розы, что была грозна,
Смягчился у тюрчанки нрав — сыта жестокостью она.

Я думал: «Выйдет или нет ко мне красавица моя?»
И шел туда, где мне видна ее обители стена.

До пояса — волос волна, и стан твой, как волна волос,
Различья ни на волос нет — сплошная зыбкая волна!

Что лучше — спросишь ты — всего на свете? Я тебе скажу:
Кебаб, вина хмельной язык и милый лик, что, как луна.

Ты говоришь, что обрела молитвенника за себя,
И это, мол, бедняк Бабур, чья жизнь надежды лишена.

45

Розу мою, чей стан — стебелек, где я найду?
Губы-бутоны, тюльпаны щек где я найду?

Слезы досады — крови ручьи гурии льют;
Юную пери, счастья залог где я найду?

Светом во мраке льется в глаза ее красота,
Темною ночью свой огонек где я найду?

Раньше, бывало, в полночь ко мне вдруг прибежит;
Нет ее ныне, след ее ног где я найду?

«Пренебреженье — мне говорят, — ты избери!»
Волю, чтоб выбор сделать я мог, где я найду?

Если разлукой сердце мое в кровь превратишь,
Вновь для тебя в груди уголок где я найду?

46

Ну что б тебе о милом вспомнить вдруг?
Поверь, что прежний друг — твой нежный друг.

Мне грустно, стал я дальним для тебя,
Ты сделала печальным мой досуг.

Шипов у роз не видит человек,
Обиды сглаживает боль разлук.

Я заболел от блеска глаз твоих,
Ты их закрой — мой облегчи недуг.

Я сердце отдаю тебе, хотя
Есть в мире множество других подруг.

Я думаю: «Хотя бы раз пришла!»
Не забывай так скоро жертву мук.

Бабур! Влюбляясь в стройный кипарис,
Сперва взгляни на виселицы крюк.

47

Из жемчужин величья венец — не мое украшенье,
Хватит, что подо мною подостлана пыль униженья.

Если сердце гнездится в груди — как могу не гореть я?
Если уголь во мне — не могу я не чувствовать жженья.

Розоликая гурия с грудью, как белая роза,
Отняла у меня и терпенье, и соображенье.

Я пронзенных клинками ресниц ее вижу... О боже!
Пусть пронзят и меня те кинжалы в любовном сраженье!

На гнедом скакуне пролетела она, словно ветер,
Древо жизни моей повалило той бури движенье.

Все в сокровищнице красоты ее блещет, как роза.
Иль то пламя дракона? Жестокой души отраженье?

Распивая с ней утренний кубок, друзья, не забудьте:
Кровь я ночью безлунной глотаю, ища утешенья.

Так иль этак, Бабур, не отказывайся от веселья;
Разве стоит грустить, если жизнь наша только
мгновенье?!

48

Время весны, близость подруг, дружеский круг бесед;
Муки любви, спор о стихах, за чарой с вином рассвет.

В пору весны в чаре вина тайные чары есть,
Благо тому, кто допьяна хмелем таким согрет.

Если, пройдя муки любви, к близости с милой придешь,
Пусть твоя боль длилась сто лет — сгинет разлуки след!

Очень хорош дружеский пир, спор о стихах друзей,
Стоит чего каждый из нас — сразу же видит свет.

Коль совпадут сроки трех дел и обстоятельств трех,
Помни, Бабур: выше, полней радости в мире нет!

49

Сердце сжалось в бутон, не влечет его дивный цветник,
И средь роз не раскроется избранный горем тайник.

Не толкуй мне, садовник, о разнообразии роз,
Ни к чему они кровоточащему сердцу, старик!

Стоит мне, разлученному с милой, на розу взглянуть —
Сто шипов мне вонзаются в грудь и немеет язык.

Сотой доли твоей красоты не могли б описать,
Если б даже сто лет восхваляли твой стан и твой лик.

Я шипами разлуки, о роза, истерзан вконец,
Нет, с тобой не расстанется больше Бабур ни на миг.

50

О спине, что, как брови любимой согнулась давно, —
говорить?
Что мое бытие, словно кудри любимой темно, говорить?

О душе, у которой разлука и мир и покой отняла,
Иль о раненом сердце, что гибельной скорби полно, —
говорить?

В ясный день — дотемна ль толковать мне о горе своем?
В бесконечную ночь — до утра ль все одно и одно
говорить?

Кто меня свел с ума — не расспрашивай... Или я должен
о той,
У кого хмель — в очах, смысл — в речах, губы, словно
вино, говорить?

Еженощно я звезды небес пересчитываю до зари,
Но, Бабур, о занятии этом, быть может, смешно говорить?

51

Открыв лицо, ты губишь нас, луна,
Безмерного тщеславия полна.

Твой стан — алиф, а брови — лук, и мной
По праву ты луною названа.

С тобою рядом кипарис — хромец.
А роза ярких красок лишена.

Лук натяни, пусти свою стрелу —
В моей груди найдет приют она.

Сто тысяч бед из-за тебя терплю,
А радость не случилась ни одна.

Ты прячешься — сто раз вздыхаю «ах»,
Сто раз — «увы», когда с другим нежна.

Не улыбнется мне свиданья день,
Хотя всю ночь Бабур провел без сна.

52

Недуг мой по моим глазам подруга знать должна,
И помощь, вняв моим слезам, мне оказать должна.

Раз ей принадлежат мой ум, и сердце, и душа,
Скажи ей, ветер, пусть придет: она их взять должна.

Другие неразлучны с ней — лишь я свиданья жду,
А ведь она в любви не мне — им отказать должна!

Коль сердце глупое совсем не ценит счастья встреч,
Меча разлуки злая сталь грудь растерзать должна.

Я счастлив — молвила луна: «Бабура знаю я.»
Еще бы! Своего раба царица знать должна!

53

Душе веселья вдохновенье нужно,
Забывших нас — предать забвенью нужно.

Водой веселья розу орошая,
Глушить побеги огорченья нужно.

Зря не скорби, — и так уж скорби много,
Искать в утехах развлеченье нужно.

Подвижничество душу тьмой объемлет,
Ей жаркой страсти озаренье нужно.

Бабур, не позволяй терзаться сердцу,
Ему свободы упоенье нужно.

54

На небо — солнце, на коня — ты всходишь, свет струя,
С тобой сравнится ль солнце дня, с конем — небес края?

Войди же в сердце, раз ты грудь мне рассекла; смотри —
Ведь очи — окна, рана — дверь от твоего жилья.

Серебролистый стебелек, в цвет розы облачась,
Не так сиял бы, как в шелку сияет плоть твоя.

Пусть для тебя соперник мой достойней и милей,
И я не плох, но не такой, как ты, любовь моя.

В том, что ты всем внушаешь страсть, не виноват Бабур,
Будь я таким, как ты, — и ты себя вела б, как я.

55

Глупое сердце во прахе лежит пред тобой, помни;
Грустное, жаждет оно твоей ласки скупой, помни.

Ты и в минуты веселья, коснувшись рукой чанга,
Стан мой, согбенный печальной судьбой, вспомни.

Сердца владычица! Пыль бесконечных забот с сердца
Можешь развеять ты песнею чанга живой, помни.

Где же подруга, Бабур, чтоб по струнам тугим грянуть?
Оземь ты грянь головой — вот удел ныне твой, помни!

56

Заемной мыслью ты блестишь, но знай, что это ложный свет,
А жизнь, когда ты жить спешишь, не жизнь, а жалкий пустоцвет.

Аллах велик! О дивный лик!.. Какие брови и глаза!
Пред ними меркнет разум мой, в груди для сердца места нет.

Жестокости любой прием до тонкости тебе знаком,
Но ты считаешь пустяком любви и верности обет.

Я солнцем твоего лица и опален, и потрясен,
Я в новолуния бровей влюблен, их стрелами задет.

Вдали от самого себя, в хмельном дурмане, в забытье,
Бабур, ты тратишь столько дней и столько месяцев и лет...

57

Свиданья отменяет все снова, снова, снова,
Разлукой превращает влюбленного в больного.

Как, не любя, понять ей: не то я, что другие —
Мой вздох скрывает рану и прячет муку слово.

Но если во вселенной и есть свиданью место —
Мое признанье будет отвергнуто сурово!

Что толку, о подвижник, в посте и покаяньи,
Когда любви и веры подорвана основа?!..

Не ждите исцеленья для бедного Бабура —
Спасти меня способен лишь зов ее медовый...

58

Сокрытое горе я разоблаченным не сделал,
И явную боль — облегчив ее стоном — не сделал.

Но глаз моих дети — слезы про все разболтали,
Хоть их я владыками в сердце смятенном не делал.

Любви ее радость ко мне не являлась, покуда
Я сердце наукою мук умудренным не сделал.

Где жемчуг зубов ее? Сам я — каких только ссадин
Зубами на теле моем истомленном не сделал!

Бабур, на судьбу ты не плачься — к чему эти стоны?
Ведь ими ты сонное счастье бессонным не сделал!

59

Милой ноги целуя, вознесусь головой к небесам.
Ты возьми мою руку — руку счастья поймаю я сам.

Даже падая, буду за одежды цепляться твои,
Я умру, если к этим припадать перестану стопам!

Юной пери отвергнут, я старею, влюбленный в нее,
Лучше смерть, чем, тоскуя, приближаться к преклонным летам.

Тайну сердца прошу я начертать на могильной плите,
Чтоб любовь к луноликой о себе говорила и там.

Не рычи на Бабура, собака подруги моей:
С кем еще на чужбине я могу предаваться мечтам?

60

Из-за любви к тебе, недружелюбной, и я бездомным стал;
Нет, не «бездомным», — я скитальцем в мире скорбей огромном стал.

Не поцелуешь — потеряю душу в пути; ведь я теперь
Бродить в краю небытия безмолвном, пустом и темном стал.

Я об устах луны спросил, и сразу их тайну разгадал,
Смотрите, сведущим каким я в деле головоломном стал!

В служенье лукобровым, тонкостанным я постоянным был,
И все-таки живой мишенью стрелам их вероломным стал.

Над повестью про бедного Фархада смеялся я, но вот
Свою Ширин увидел я, и схожим с Фархадом, скромным стал.

Что удивительного в том, что счастья не испытав, Бабур,
От горестей разлуки слабым, совсем никчемным стал?!

61

Твой гибкий стан, пушок ланит, твой ясный глаз,
прекрасный лик —
Мой кипарис, мой базилик, живой нарцисс и роз цветник.

Из-за рубина уст твоих, походки, красоты, речей —
Душа светла, глаза горят, красноречив и смел язык.

Моей шалуньей озорной замучен я, ошеломлен,
Я еле жив, а в ней кипит веселой живости родник.

От безысходности судьбы, из-за бесплодности мольбы
Я плачу, жалуюсь, кричу, я, опечаленный поник.

Из-за превратностей любви, скитальчества в чужих
краях,
Я — как Меджнун, моя родня — беда, удел мой —
скорбный крик.

Для стрел твоих, красы твоей, для мук и для любви
к тебе —
Бабура тело — цель, глаза — жилье, грудь — сень,
душа — тайник.

62

Разве я у возлюбленных верность, смиренье видел?
Кто мне скажет, что гурий, не склонных к измене, видел?

Любовались глаза мои прелестью этой пери,
Кровь из них полилась — мир я словно в затменье видел.

Суждено ли мне, господи, чтоб еще в этой жизни
От «покоя души» я покой — не мученье — видел?

Смотрит кровоточащее око, а в сердце — горе...
Ах, зачем каждый день горя этого тень я видел?

О Бабур, не надейся найти постоянство в людях:
В обитателях мира кто верность, смиренье видел?

63

Хорошо, что я снова увижу тебя, мой цветок,
Хорошо, что лицом своим пыль я сотру с твоих ног.

Не болтай: «На тебя и не смотрит подруга твоя!»
Не пугай — от нее и не это стерпеть бы я смог.

Пусть ко мне ты была и придирчива и жестока,
Я тебя не отвергну — я верность подруге сберег.

О, когда я свиданья вином на мгновенье упьюсь?
От похмелья разлуки уже я совсем изнемог.

Ввергнут в пламя тоски, я ищу утешенья в вине:
Может быть, я залью тот огонь, что разлукой разжег?

64

Настало время уходить, покинуть старый кров,
Иди, куда глаза глядят, избавлен от оков.

Вдали от суеты мирской я стать святым хочу.
Доколе унижаться мне перед толпой глупцов?

Они преследуют меня... О, если бы навек
Не видеть человечьих лиц, людских не слышать слов!

Больное сердце не кори за бегство: ведь оно
Не так безумно, чтоб его я запер на засов!

Не говори: «Постой, Бабур, куда тебя несет?»
А что поделать я могу, коль божий суд таков?

65

Доколе молвой пробавляться, что ты словно роза в саду?
Когда, наконец, я в свиданье от мук исцеленье найду?

Хотя бы из жалости только взглянуть на себя прикажи,
Я жажду увидеть, услышать тебя наяву, не в бреду!

Я — пес твой; волос твоих цепью за шею меня привяжи,
Иначе в долине разлуки, боюсь — заблужусь, пропаду.

Отвергнешь ли неумолимо, небрежно ли мимо пройдешь,
Что делать? Унижусь, обижусь, заплачу, встречая беду.

А если Бабур головою к твоим не приникнет ногам,
Куда понесут меня ноги — с поникшим челом я пойду.

66

Эти губы-сластены сыплют сахар слов на пиру,
Эти косы-арканы манят, расплетясь на ветру.

То лукавые брови сдвинешь, то прищуришь глаза,
Сколько бед я узнал, поверив в эту злую игру!

Как вода, твой меч переливчат, и, летя на коне,
Ты мое раздуваешь пламя, я от скачки — в жару.

Без очей твоих заболел я — взгляд один подари,
Исцеленный таким лекарством, я тогда не умру!

Прочь уйти от ночи разлуки ты не можешь, Бабур,
Как ни мечешься ты, стараясь раньше встать поутру.

67

Ты доколе, смеясь, бередить мои раны будешь,
И кудрями мне разум мутить неустанно будешь?

О, доколе ты будешь других возносить до неба,
А меня ты с землею равнять невозбранно будешь?

О, доколе, скажи, унижать мое сердце бранью
Эту душу держать ты во власти обмана будешь?

Мне пойти к тебе — трудно — тебе же легко. Всевышний
Трудность мне облегчит — ты со мной постоянно будешь!

Не дождешься, Бабур, похвалы от своей подруги,
Даже если ты красноречивей Хассана будешь!

68

Своим жильем мой глаз живой ты сделала,
Каморку сердца вновь жилой ты сделала.

Опять, красавица, мне разум помутив,
Меня раздавленным тоской ты сделала.

Пусть я умру с тоски — тебе и горя нет,
Себя беспечною такой ты сделала.

Чтоб стрелами ресниц вновь забросать меня,
Из тонкой брови лук тугой ты сделала.

О море милостей, внезапно скрывшись с глаз,
Потоки слез моих рекой ты сделала.

Зачем Бабуру рай, ведь грудь его — себе
Приютом, избранным душой, ты сделала?!

69

Ты всегда равнодушна, терзая мне сердце и раня,
Ведь тебе — что поделать? — неведомы сердца
страданья?!

Каждый час, каждый миг я горюю, а ты и не знаешь,
День ли, год, что тебе? — Ты в дурмане самолюбованья.

Ты в меня и не метишь стрелою лукавого взгляда,
На мои раболепные не отвечая посланья.

Шейху делать здесь нечего. Он состоянья влюбленных
Никогда и не знал — как же он нас понять в состоянье?

Зря, измученный, высох и в щепку Бабур превратился —
На него, как на щепку, ты не обращаешь вниманья.

70

Увы, другому предана сердечно,
Меня ты мучишь, зло, бесчеловечно,

Стрелою взгляда всех сражая метко,
В меня не попадаешь ты, конечно.

Не видишь ты лица моих страданий,
Не лечишь ран моей души увечной.

О, если б, утолив мое желанье,
Не избегала встречи ты беспечно!

Бабур, за ту, что так тебя поносит,
Молитвы возносить ты будешь вечно.

71

Мне красавиц жестокостью быть потрясенным доколе?
Остриями шипов этих роз быть пронзенным доколе?

Видеть из-за разлуки, любви и соперников злобных
Скорбь — в душе; кровь — в глазах, а себя
оскорбленным — доколе?

О, доколе я буду ее подчиняться указке,
Буду я своей собственной воли лишенным — доколе?

Всякий раз взор твой язвы на теле моем замечает,
Сердце будет обидою опустошенным доколе?

Сердца не отдавай луноликим — быть может, отыщешь
Госпожу ему... сколько скитаться еще нам? Доколе?

72

Любой хвалы людской и преувеличений ты выше,
Тебя зовут душой, но и таких сравнений ты выше.

Пускай прославлена краса небесных гурий безмерно,
И все же для меня, безумца, нет сомнений: ты выше!

Уверен — гурия, твое лицо увидев, увянет,
Тебя поет молва, но пылких песнопений ты выше.

О потрудись, стрела подруги, ради сердца больного!
В моем недуге — всех лекарств и всех лечений ты выше.

Бабур избрал себе убежищем жилище любимой;
Пред ним и рай убог, Ризвана светлой тени ты выше.

73

Я во сне тебя видел — твой солнечный лик
просветленный,
И до Судного дня не хочу просыпаться, плененный.

Сзади — скорбь, рядом — горе, а передо мною —
разлука,
Вот чем я окружен, твоей близости прежней лишенный!

Видишь, оторвалось мое сердце от жизненной нити
И повисло на пряди косы твоей, туго сплетенной.

Слез унять не могу я при виде тебя — ты ж от смеха
Удержаться не можешь, увидев, как плачет влюбленный.

Рухнул стойкости дом — он подмыт был слезами Бабура,
Столь большого ущерба не ждал я от влаги соленой!

74

Хочу ходить с тобою всюду, быть твоим верным псом.
Не пустишь — провожу глазами и помолюсь потом.

Вот наслажденье: лбом прижаться к порогу твоему!
Позволь такой счастливой жизнью зажить, храня твой
дом.

Как не рыдать мне в дни разлуки? Как слезы скрыть? Они
Со слезной жалобою лезут и миру бьют челом.

Доколь тебе не оглянуться, все мимо проходить?
Доколь мне пред тобой тянуться в отчаянье немом?

Бабур на солнце и не глянет, когда, отбросив прочь
Печали ночь, он снова будет с луной своей вдвоем.

75

Если б я знал, сколь губительны ночи разлуки с луной,—
Не выпускал бы из рук дни свиданья, пока я живой.

Нет и на пиршестве сердцу покоя, пока человек
Возле себя не увидит любимую — сердца покой.

Сердце соскучилось так по любимым устам, что оно,
Верно, у них взяло облик бутона, объято тоской.

Словно дыханье Мессии — так вдруг оживляет меня
Весть от подруги далекой, что ветер приносит ночной.

Что ж, не теряй ни минуты — с друзьями, Бабур, веселись:
Ты ведь не знаешь, что через минуту случится с тобой!

76

Попробуй солнце неба с тобою состязаться,
Ему пришлось бы сразу в бессилии сознаться.

Красой своей слепящей, как роза, ты гордишься,
Как соловей скорбящий, я вынужден терзаться.

Твой лик — тюльпан, но только тюльпан самодовольный,
Твой рот — бутон, но только умеющий смеяться.

То за ушами вьются, то лоб скрывают кудри —
Ты подбери их, стыдно растрепанной казаться!

Кудрей связались нити и нить души Бабура,
Так разве может узел подобный развязаться?

77

Добра, увы, я от тебя не вижу,
Я радости, тебя любя, не вижу.

Я постоянства в тех, кто красотою
Прославились, сердцá губя,— не вижу.

Увы, я справедливости и правды,
О состраданье вопия, не вижу.

Я преданного в дружбе человека,
Кому б я мог открыть себя,— не вижу.

Чернил, чтоб начертать страданья строки,
Я в глуби черных глаз, скорбя, не вижу.

Во мне, рабе, таится лишь смиренье —
Его в тебе, царице, я не вижу!

78

Куда ни пойдет мое солнце, меня за собою маня,
Нельзя мне отстать — ведь иначе не видеть мне светлого дня.

От солнцеподобного лика я глаз отвести не могу,
Хотя бы в них даже впивались лучистые копья огня.

Пусть пламя в недужное сердце забросила бурная страсть,
Сожженного сердца не брошу, его для подруги храня.

Пока я себе не представлю бровей ее тонких дугу,
Я перед михрабом мечети молюсь, головы не клоня.

Когда б до Ирака и Фарса дошли эти строки, Бабур,
Быть может, Хафиз их признал бы, Салман похвалил бы
меня.

79

В дом ко мне этой ночью пришло мое солнце тайком...
Годы, вечность она не являлась вот так, вечерком.

Час свиданья, как рот ее, мал; словно кудри ее —
Путь разлуки с любимой был темным и длинным путем.

В грудь мою ты забралось, о солнце, и стали тогда
Эти кости дровами, а сердце — горящим огнем!

То ли горестей узел во мне завязался теперь,
То ли ниточкой — тело, а сердце на ней — узелком?!

В тьму разлуки красавица бросила душу мою,
Ты возьми ее лучше, судьба, умоляю о том.

С кипарисом расставшись, я воплем потряс небеса,
Слезы цвета тюльпана я лью, разлученный с цветком.

Я в любви и безумье достиг совершенства, друзья:
Называйте Бабура сердечных наук знатоком.

80

Пусть твой стан и от вздохов влюбленных
склоненным не будет,
Ветром грусти волос гиацинт расплетенным не будет!

Пусть ничтожество мира не мучает нежное тело,
И пускай твое сердце тоской омраченным не будет.

Милый мой кипарис, в день разлуки ты друга обидел,
Пусть хотя бы он тенью твоей обделенным не будет!

Только ты мне нужна; если нет моей пери на свете —
Пусть весь мир опустеет, никем населенным не будет!

Если ты мой сообщник, о ветер, внуши кипарису:
Пусть не гнется, и к щепке любой благосклонным не будет.

В мире так повелось: кто влюблен — тот всегда опозорен.
Но в любви пусть никто, как Бабур, оскорбленным не будет.

81

Любуются в праздник луной и ликом любимой своей,
Мне ж — праздник не в праздник вдали от милых ланит и бровей.

Изогнутый локон ее заставил и тело мое
Томясь, изгибаться дугой в часы одиноких ночей.

Дым вздохов клубится из уст влюбленных ревнивцев, когда
Колеблется под ветерком волна ее черных кудрей.

Вот капельки пота блестят под прядью волос на челе,
Так блещет на розе роса в сиянии лунных лучей.

Мой жребий — печали приют, кровавые слезы и боль...
А как хорошо за вином сидеть в окруженье друзей!

Израненo сердце мое, зачем наставленья ему!
Сердечных не вылечат ран все пластыри трезвых речей.

Свиданье с любимой Бабур отпраздновал, как науруз,
Будь сто наурузов в тот день, не мог бы он быть веселей!

82

Развившись, приникли к ланитам две пряди волос,
И темным сияющий мир мне узреть довелось.

Вино — это жаркая кровь для влюбленных сердец,
Тот счастлив, кому насладиться вином удалось!

Любимая, будь снисходительной, ибо во мне
И страсть, и безумье, и удаль — все вместе слилось.

Зачем ты от мира скрываешь любовь, о Бабур?
Все знают причину твоих ликований и слез.

83

Вдалеке от тебя разве смысл в моей жизненной доле есть?
А в душе разве что-нибудь кроме волненья и боли есть?

В кровь ты сердце мое превратила, из глаз моих льется кровь.
Почему? — вот вопрос, что к тебе у меня поневоле есть.

Давит злоба людская, заботами обременен я — пусть!
Я снесу и поболе — ведь ты в этой бренной юдоли есть!

Добродетелен или порочен, влюблен или скромен я —
Что за дело тебе-то, аскет? У меня своя воля есть.

Соловьиного стона печальней Бабура стон,
Сколько шрамов на сердце, что так искололи, есть!

84

Оторвавшись от милой, зачахло мое существо,
Ибо вянет бутон, если сорван с куста своего.

Ты не думай — в груди моей это не сердце лежит:
Сгустки крови, от горя запекшейся, — только всего.

Красоты я не вижу, а сердце не хочет любви,
Словно стали глаза мои слепы, а сердце мертво.

Чтобы милой достичь — надо тела преграду убрать,
И тогда лишь, о сердце, наступит твое торжество.

Разве люди любви, просто люди — Бабуру равны?
Есть ли горестей столько у них, сколько есть у него?

85

Страданья страсти для меня великая напасть,
Но что поделать — велика моей подруги власть!

Недаром родинка ее, как Хызр, ведет туда,
Где можно к жизни роднику — к ее устам припасть.

Но, может быть, ее стрела — лекарство от любви,
И эта рана — сердцу впрок, не даст ему пропасть?

Пришла весна, и страсть к вину мне голову кружит,
Подайте кубок: всех страстей достойней эта страсть!

Бабур, подруге другом стал предатель, а тебе —
Стал другом стон, ты можешь с ним наговориться всласть.

86

Настала пора безрассудства, веселья пора — весна,
Да будут полны эти чаши — эй, кравчий, налей вина!

Бывает — тюльпаны в цвет розы бескрайнюю красят степь,
Бывает — простая лужайка от пламенных роз красна.

Наверно, художник творенья здесь пробовал кисть свою,
Такого смешения красок лужайка эта полна.

Души моей сад украшает лица твоего цветник,
В саду моей жизни платаном колышешься ты одна.

О, где бы ты ни была, роза, — Бабура душа с тобой,
О жалости молит скиталец, чья жизнь без тебя темна.

87

Базиликом ланит блеск пылающих роз превзойден,
Улыбнулись уста — и раскрыл свою тайну бутон.

Обрамляют два локона редкостной розы лицо,
Видно, жребий завидный тем прядям предопределен.

Весь я в ранах от стрел ее метких; о ране такой
Говорят: на вершине страданий расцвел анемон.

То не вешний поток — землю залили слезы мои,
То не гром в небесах — мой, поднявшийся до неба, стон!

Разве может сраженный любовью покой сохранить?
И в лучах ее солнца пылинкой верчусь я, смятен.

Обезумел от страсти Бабур, косы пери его —
Словно цепи, а ямочка на подбородке — зиндон.

88

Разбитое тело мое сотрясают рыданья,
Немеет перо, приступая к ее описанью.

Согнулся мой стан... В слабом теле и немощном сердце
Навек из-за милой моей поселилось страданье.

Я кровь постоянно глотаю из чаши разлуки,
Когда для других приготовлена чаша свиданья.

Я связан кудрями ее, а она ускользает!
Завидую тем, чьи не связаны плоть и сознанье.

Бабур, как ты вызволишь душу из рук этой пери?
Разлука с ней — гибель, а встреча — пустое мечтанье.

89

Брови под синей басмою как призрак, как сон,
Или то новой луной озарен небосклон?

Можно ли солнце с возлюбленным ликом сравнить?
Солнце заходит — заката не ведает он.

Где ее локоны, стан и уста? Мне без них
Скучно смотреть на жасмин, кипарис и бутон.

Как бы твой стан, нежный стебель в саду красоты,
Не был бы ветром от вздохов любви поврежден!

Горе познал я, и сразу согнулся мой стан,
Видно, он сделался буквою «с» в слове «стон».

Верность и честность моей неизвестны луне,
Но по жестокости нрав ее непревзойден.

Все же, Бабур, и недоброй подруге служи:
Бросить ее — это грех, что не будет прощен.

90

Щека — тюльпан, пушок — фиалка, а локоны — райхан,
Весь юный лик — цветник чудесный, весенний цвет полян.

Щека — жарка, пылает солнцем, обилен слов улов,
И темно-алы уст кораллы, и строен гибкий стан.

В глазах — вражда, в словах — отрава, но мед в ее устах,
На языке ее — лекарство от нанесенных ран.

Встречаться часто мы не можем, а между тем, вдали
От этих губ я проливаю слез целый океан.

Коня заигрыванья хитро ты гонишь так и сяк,
Рвани поводья, пусть поближе подскачет конь-буян.

Как выразить такую прелесть, как описать ее?
Ведь красота твоя сметает людей, как ураган.

Пускай она несправедлива, нет выбора, Бабур:
Ее поступки не могу я судить, она — султан.

91

Любовь мою она бесплодной делает,
Больную душу сумасбродной делает.

Недружелюбная, меня, как и других,
Виденьем, тенью лишь холодной делает.

Увидев алый лик, я предсказал: она
Слез моих влагу с кровью сходной сделает.

Возвышен временем, не радуйся: любовь
Неволей жребий твой свободный сделает.

До постничества мне и дела нет, аскет,
Она со мной все что угодно делает.

Раскаиваться ты Бабуру не вели,
Пусть это за него аскет негодный делает!

92

Не мне — другим больным она из уст своих питье дает,
Я сердце отдал ей, она ж — не мне — другим свое дает.

Я исстрадался, но ко мне в ней даже состраданья нет,
Она свою любовь не мне, влюбленному в нее, дает.

Не острие у стрел ее, а капельки живой воды,
Безжизненному телу жизнь такое острие дает.

Спросите о рубинах слез, о жемчугах моих стихов —
Ведь их не море, не родник, а сердце лишь мое дает.

Поверь, отвергнутый Бабур, что эта пальма красоты
Одни плоды беды, твое смущая бытие, дает.

93

Уста ее алей на коже белой кажутся,
Так, в молоко вглядись — и кровь зардела, кажется.

На розах щек ее пушок ли это мускусный,
Иль на жасмине тень зазеленела, кажется?

Тот никогда уже не обретет спокойствия,
Кому она красы земной пределом кажется.

В воображении людей любовь заманчива,
Но это — тяжкий труд, хоть легким делом кажется.

По правде говоря, Бабур, речь этой гурии
Нередко ложью лишь весьма умелой кажется.

94

Пока не выпью чашу смерти, хмелея от тоски,
Любимая мне будет кравчим до гробовой доски.

Пока прелестный виночерпий меня поит вином,
От кубка, налитого милой, не отниму руки.

Мой стан от мук любви согнулся, как месяц молодой,
Хотя рога его на небе сверкают, далеки.

Нет, описанье новолунья и солнца твоего,
Поверь, не могут даже книги судьбы вместить листки.

Пушком ланит, письмом их тюркским не овладел Бабур:
Не в стиле «бабури» тот почерк, а в стиле «сыгнаки».

95

Живя на чужбине, без милой страдал я так много,
Что в старца меня превратила разлуки дорога.

Покамест я двигаюсь — буду стремиться к любимой,
Не ведаю, жребий какой мне назначен от бога...

Судьба меня гонит — иначе, пленен гиацинтом,
Я разве скитался б вдали от родного порога?

Забрел от тебя в даль такую Бабур — и не умер!
Подруга, за промах не надо судить его строго.

96

Она мое сердце взяла без труда,
И нечем мне стало томиться тогда,

Пусть знают теперь, что я сердца лишен,
Что кто-то присвоил его навсегда.

Притворщица будто не видит меня,
Неведенье изображает, горда.

Отряды кудрей своих, пери, сомкни,
Ряды их расстроила эта беда.

Бабур, хоть на время, но развеселись,
Такая на свете пошла чехарда!

97

Ты милость ее с лицемерьем сравни — немного стоит!
Пред ночью разлуки свидания дни немногого стоят.

Ты в мире ничтожном мечтать перестань о ложе покоя.
Такая подстилка у нас искони немногого стоит.

Услады минувшие не вспоминай: что было — пропало;
Вернуть — не вернешь, а стенанья одни немногого стоят.

Со страхом и рвеньем ты служишь царю. Пустые потуги!
В сравненье с дубинками стражи они немногого стоят.

Зачем ты свидания жаждешь, Бабур, ведь будет разлука?!
Миг счастья за годы мучений, взгляни, немногого стоит!

98

Возлюбленной вздорней, капризней, чем ты, — не найти.
Тебе же — покорней раба красоты не найти.

В тебе все достоинства пери и гурий небес,
Людей, у которых такие черты, — не найти.

Мне все на глаза попадаются, кроме тебя,
Ни в ком ни сочувствия, ни доброты не найти.

В саду красоты отвернешься от розы на миг —
И места, где только что были цветы, — не найти.

Подруге, вернувшейся к другу, будь другом, Бабур,
Иначе подруг средь мирской суеты не найти.

99

Оставь поученья, умник, реченья твои пусты,
Они безумному сердцу противны до тошноты.

Пускай мое сердце глупо, зато не найдется в нем
Тупого самодовольства — отвратной твоей черты.

Мне горечью щиплет нёбо твоей болтовни питье,
Слова твои, увещеватель, отравою налиты.

Ведь локоном цвета амбры я связан теперь навек,
Так что мне любые оковы — я сам в цепях красоты!

Есть много нищих на свете, но все-таки нет у них
Царя бродяг и скитальцев такого, Бабур, как ты.

100

Как все горести мира в душе умещаются малой?
Чем под грузом их гнуться, уж лучше б я умер, пожалуй.

Стоны — песни мои, сотрапезники — горе и мука,
И кровавые слезы — вино... Вот так пир небывалый!

Не виновен я в том, что бесчестным соперником сломлен, —
Так нередко свинец разрушает алмазов кристаллы.

Я не знал, что, влюбившись, утрачу и разум и душу,
Что любовь к луноликой подобные беды скрывала.

Кровь Бабура зажглась, когда очи узрели красавиц,
Кровью плачу теперь — так за это судьба покарала!

101

Я гурию вдруг увидал пред собой
И вмиг был охвачен любовью слепой.

Любой из живущих желаньем томим —
Изжил я желанья в разлуке тупой.

Быть может, во сне я б увидел тебя,
Но сон от меня удалился с тобой.

Я косы твои вспоминаю всю ночь,
Пока не приходит рассвет голубой.

О, если б ты стала к Бабуру добрей,
Уж очень страдалец обижен судьбой!

102

Меня лишили сердца косы, бровей черненых свод,
Не знаю целый день покоя, а ночью сон нейдет.

Куда лицо ни обращаю — идет навстречу скорбь,
Куда стопы ни направляю — печаль не отстает.

Еще кто в мире столько горя и столько мук терпел,
Так мало радостей изведал, так много знал забот?

Испепелили сердце, душу преобразили в пар
Разлука с этой солнцеликой и тяжких бедствий гнет.

Свои смертельные страданья ты от людей таи,
Смотри, Бабур: ты горько плачешь, а их лишь смех берет.

103

Вручив ей сердце, я думал: хозяйка ему нашлась,
Не знал я, что этой пери я буду в тягость не раз.

Сто бедствий принес безумцу подобный самшиту стан.
Аллах! Значит, жди несчастий, на путь любви
становясь?!

Ее презренье лукавством считал я, но понял вдруг:
Она гнушается мною, над бедным глупцом глумясь.

В любви лишь смерть моя — щит мой, ведь пери
сама — палач,
Ее глаза кровожадны, слова убивают вас.

Прелестницы крепко держат сердца влюбленных слепцов,
Найдешь владычицу сердца — и сердце в плену тотчас.

От ветреницы вероломной зачем столько мук терпеть?
Бабур, ведь таких, как эта, красавиц много у нас.

104

Не расспрашивай, друг, что со мной, ибо стал я слабей:
Плоть слабее души, а душа моя плоти больней.

Сам не свой — как главу за главой повесть мук изложу?
Этот груз мой живой ста железных цепей тяжелей!

В опьяненье всю жизнь пребываешь ты, сердце, как жаль!
Но отныне, прошу тебя, будь хоть немного трезвей.

Хочешь цели достичь — от беспечного сна пробудись,
Тот, кто бодрствует больше, — удачливей в жизни своей.

О товарищ, ты знаешь — заботы мне смертью грозят,
И вернее, чем ты, сопечальника нет средь людей.

Видно, нет исцеленья страданьям твоим, о Бабур:
Как не лечат тебя — твой недуг все больней, все сильней.

105

Не требуй от жителей мира сего хорошего:
Кто сам нехорош — не жди от того хорошего.

Дурное лишь в сердце вселяют сердец владычицы,
Не прожил я с ними и дня одного хорошего.

О сердце, в хорошем ты столько плохого видело,
Так что ж от плохого ты ждешь лишь всего хорошего?

Оказывай людям добро — нет завиднее памяти,
Коль скажут: «Мир много узнал от него хорошего!»

Бабур, на добро не способен род человеческий,
Не требуй от жителей мира сего хорошего.

106

Где стан ее, брови, лицо в кудрях?
Как быть? Я остался один впотьмах.

Я ждал не дождался, а ночь длинна,
И я заблудился в чужих краях.

Два локона черных, уста и стан —
Души моей гибель, для сердца — крах.

Зовешь ли меня ты, иль гонишь прочь,
Молчу — мое сердце в твоих руках.

Ведь кроме подруги — в моих делах
Осведомлен только один аллах.

Ох, как бы твой огненный вздох, Бабур,
Людей не спалил невзначай во прах!

107

Красавица, увы, опять зажгла меня,
Пылаю перед ней — живая головня,

Сама ж она — свой взор едва в меня метнула
И больше не глядит, к плечу лицо клоня.

На улице твоей теперь светло и ночью,
Так сжалься, появись на пепелище дня!

Я сжег былой покой, золой главу посыпал,
Отныне жребий мой и пыль беды — родня!

«Бабур — твой раб, таким гордится и всевышний!..»
Но нет, не жарко ей у моего огня...

108

Сиянье черное волос — погибель для моей души,
Зиянье черное угроз обитель в гибельной глуши.

Безумья бездна, что для глаз таит несметную красу!..
Все стоны возношу за вас, безумцы, бедные мужи.

Рассыплешь волосы — заметь, как в этой россыпи густой
Теряем души, а взамен надежд находим миражи.

А все ж, когда волос волна прихлынет на берег плеча,
Бабур, беды испив сполна, узрит блаженства рубежи...

109

Опять от взора черных глаз душа моя больным-больна,
Опять оковы черных кос лишили вольности сполна.

Звучат печалью этих губ ночей и утр имена.
Что сон и радость прочь бегут — ее вина, ее вина.

Чем крепче я привязан к ней — тем отдаленней от нее,
Зато, чем выше, тем светлей моя коварная луна.

Уже и цепь ее кудрей душе достаточно длинна...
Благодари беду, Бабур: спасеньем кажется она.

110

Пустые сумерки разлук пусть воля божья не сулит,
Тоску, бормочущую вслух, и боли — больше не сулит.

Изчезнет черный свет очей — и почернеет день, как ночь!..
Такого злого дня, о друг, пусть рок мне тоже не сулит.

Могу Меджнуну дать урок, как победить беду любви:
Терпеньем! — нет иных порук, что путь расхожий ни сулит.

Ведь не разжав упреком губ, она своих не кажет глаз,
Не сняв с лица стыдливых рук, мне горе горшее сулит.

Душа распята под пятой — Бабуру милость окажи,
Не то, пройдя последний круг, с небес прощенья посулит...

111

Эта пери красой полонила безумье мое,
Окоем заняла и души захватила жилье.

Сколько зла принесла — нет ни счета, ни мер, ни границ.
Горечь горя вселила и в пищу мою, и в питье.

Одного ли меня оплела она сетью беды,
Или род человечий — в незримых тенетах ее?

Ни Фархад, ни Меджнун не знавали такого стыда.
А разумный на пытку не сменит вовек бытие.

Почему, о Бабур, нам дана не простая любовь—
Эта гонка за горем, в груди и висках колотье?

112

В разлуке горчайшей настанет ли час кутежа —
Не двинусь за чашей, веселья пригубить спеша.

Я болен любовью, а ты красотою пьяна.
Как выжить? С тобой — и с собою в разладе душа.

Я муки свои, как дирхемы, чеканю в груди,
В глазах же любимой не стоят они ни гроша!

Я душу ей отдал — ни взгляда, ни встречи взамен.
Свое бы вернуть мне, уже я не жду барыша!

Любовь меня сушит, тоска меня сводит на нет.
Развеюсь я прахом, под ветром пустынным шурша!

С того ли, Бабур, не оставишь ты в мире следа:
Не столь хороша она, пери, что так хороша!..

113

Вот дар возлюбленной — разлука и чужбина.
Но вижу я и здесь ее, что так любима.

То мне грозит мечом, то целится стрелой —
Каких ни принял мук от злобы голубиной!

Стенания мои тревожат всех вокруг —
Зову я смерть: приди, прими в свои глубины...

Бабур, несносна жизнь — блаженнее стократ
Забвения и тьмы покров неколебимый!

114

Эта ветвь с бутоном белым — нежный стан ее напомнит,
Словно мускусом Хотана здесь и там простор наполнит.

Если и достигну рая — без нее блаженства нету:
Память улочки вот этой все отравою напоит.

Перед этим стройным станом кипарис глядит сутуло,
А тюльпан в тоске увянет, этой ручкой не поднят.

Проливаю слез арыки — и, однако, сохну с горя,
Как в саду забытый кустик, влагой нежности не полит.

Ах, она добра, я знаю, и не хочет зла Бабуру,
Но не смею слова молвить и, боюсь, уйду, непонят...

115

Черты твои, и краски, весь несравненный лик —
Жасмин, фиалок россыпь и пряный базилик.

А твой язык, и зубы, и пламя жарких губ —
Агат, и нежный жемчуг, и алый сердолик.

Перед красой, сияньем и холодностью сей
Глаз — стынет, сердце — стонет, душа — терпеть велит.

Мечтанья обнищали, унижен я и худ
С разлуки, и печали, и страннических лих.

Она ж всего три слова и молвила, Бабур:
В том — ложь, в другом — презренье, а третье —
злобный крик...

116

Зубы — жемчуг, ланиты — атлас, губы — пара
малиновых бусин.
Драгоценные вина речей, чей сосуд так высоко искусен.

Взор ли гордый покорен душе, иль душа повинуется
взору —
Пред тобой они слились в одно, как река перед
собственным устьем.

Где такую найти на земле? — эта гурия горнего рая!
Но даруют ли грешнику рай? Нет, взывают грехи,
не допустим!

Расставанье с тобою — как смерть, исцеление —
новая встреча.
Горше яда — досада твоя, когда взор неулыбчив и
грустен.

Вот он, раб твой, печальный Бабур, дай же пищи душе
отощавшей,
Ведь не сыщешь вернее раба, если этого смерти отпустим.

117

Эти волосы увидишь — закружится голова.
Что там! Глянешь в эти очи — жив останешься едва.

Если ж пустят луки-брови тучу стрел из озорства —
Равнодушный и влюбленный никнут рядом, как трава.

Поведет она очами, как китайская газель —
Чувств лишаясь, мы почуем запах мускуса сперва.

Страсть одна пронзает душу, ум терзает та же страсть:
Жизнь отдав, на эту прелесть обрести на миг права.

Ах, Бабур, ведь чем сильнее, тем и слаще этот гнет!
Уж таков ее обычай: красота всегда права.

РУБАИ

I

Желанной цели должен ты добиться, человек,
Иль ничего пускай тебе не снится, человек.
А если этих двух задач не сможешь ты решить —
Уйди куда-нибудь, живи, как птица, человек!

2

Бродягой стань, но не рабом домашнего хламья,
Отдам и этот мир и тот за нищий угол я.
Бродяжничество — не позор, и нищенство — не срам,
Уйти куда глаза глядят — давно мечта моя!

3

Не жертва скопидомства я, не пленник серебра,
В добре домашнем для себя не вижу я добра.
Не говорите, что Бабур не завершил пути, —
На месте долго не стою. Мне снова в путь пора.

4

За эту поступь душу рад ей в жертву принести,
Два мира за один лишь взгляд — ей в жертву принести,
Все бытие с небытием — таким губам цена,
Я плоть и душу рад стократ ей в жертву принести.

5

О роза, почему я вновь обижен был тобой?
Я столько мук прошел, пока приближен был тобой,
Но близостью твоей, увы, недолго счастлив был,
Я отстранен! За что я так унижен был тобой?

6

Твоих обид не дай господь ни другу, ни врагу!
Пылинки верности в тебе найти я не могу.
И если голову у ног твоих я не сложил,
То, захватив ее с собой, подальше убегу.

7

Ты на чужбине — и забыт, конечно, человек!
Жалеет только сам себя сердечно человек.
В своих скитаньях ни на час я радости не знал!
По милой родине скорбит извечно человек.

8

Хоть временем на краткий срок и вознесен твой враг,
Вином победы два-три дня он опьянен, твой враг,
Пусть кажется, что до небес он вырос, — не горюй:
Ведь низок он, и будет вновь с землей сравнен твой враг.

9

Ты затруднение мое, художник, разреши:
Здесь на платке узор такой искусный напиши,
Чтоб мысли все мои на нем любимая прочла,
Чтоб ей открылся весь тайник тоскующей души!

10

Ты — роза яркая, но я — ничтожный соловей,
Ты — пламя жаркое, но я — зола, возьми, развей!
«Нет соответствия!» Но ты не избегай меня:
Народам — царь, я стал рабом по прихоти твоей!

11

И трезвенников этот взгляд всех в пьяниц превратит!
А пьяниц — в сумасшедших твой румянец превратит!
А души тех, кто, как Бабур, благочестив и строг,
Твой смех из рая уведет, в изгнанниц превратит!

12

Что делать мне? Любовь мой ум ослабила, увы!
Лишила воли, мой покой ограбила, увы!
Где имя доброе мое? Где мужество мое?
Любовь к тебе меня совсем обабила, увы!

13

Каких страданий не терпел и тяжких бед Бабур?
Каких не знал измен, обид, каких клевет Бабур?
Но кто прочтет «Бабур-наме», увидит, сколько мук
И сколько горя перенес царь и поэт Бабур!

14

Я ни своим и ни чужим ни в чем не угожу.
Соперник — зол, возлюбленной — бельмом в глазу служу.
Как ни стремлюсь я делать всем добро, однако сам,
Увы, живою притчей зла среди людей брожу.

15

Изранен стрелами тоски был, как мишень, я весь,
Тебя благодарю — принес ты утешенья весть.
Чем радость выскажу свою? Ведь это все равно,
Как если б мертвецу принес ты возрожденья весть.

16

Лишь от надежды встречи с ней возрождена душа,
За все страданья будешь ты награждена, душа!
Еще силен разлуки гнет, но, мысля о тебе,
Я счастлив: в мире и меня ждет хоть одна душа!

17

О сердце ледяном, что жжет сильней печей, сказать?
Иль об игривых огоньках твоих очей сказать?
О сладком пении твоем, иль об игре твоей,
Иль, может быть, о сахаре твоих речей сказать?

18

Зайди поговорить, попить, — моих гостей возглавь,
Себя на время от мирских забот вином избавь.
Когда войскам веселья дан приказ идти в поход,
Усталым воинам труда ты отдых предоставь!

19

Пред милостью твоей равны беда, удача.
Ты можешь так решить — и рассудить иначе.
Яви же милость мне! А горе — соразмерь
с терпеньем, чтоб была по силам мне задача.

20

Иду я, как в бреду, несу свою беду,
И с ношею такой из жизни я уйду,
Хоть знаю: здесь, где ты, не отыскал я счастья,
А там, где нет тебя, подавно не найду.

21

Что хочешь делай, бог, с моей душой и телом,
Мой сделай черным лик иль сделай лик мой белым.
В пыль преврати, во прах немилостью своей
Или приблизь меня к щедрот своих пределам.

22

Все, что ни есть вокруг, — все ты, все ты и ты!
Дыханье, сердца стук — все ты, все ты и ты!
Любовь и жизнь моя и в том и в этом мире,
Мой самый лучший друг — все ты, все ты и ты!

23

О, не толкай, душа, меня ты к лавке винной,
Не делай домом зла дом радости невинной.
Как пряди милых кос, мне сердце не трепли
И грудь мне не кровавь, как милых губ рубины.

24

Я неучтив порой, и милая не рада,
Не так я посмотрю — берет ее досада.
Наверно, вообще любимых нет таких,
Что из-за пустяков на нас не хмурят взгляда.

25

Коса ее — силок, я залетел туда,
Смятенный, сбит я с ног и ослеплен — беда!
Мне жаль тебя, Бабур: в делах своих любовных
Как ни ведешь себя, ты каешься всегда.

26

Любовник молодой, целуй свою подругу!
Считайте счастьем то, что вас влечет друг к другу.
Коль вместе быть вам миг, ловите этот миг.
Судьба — проклятый круг, несутся дни по кругу.

27

В огне ее волос не должен ты гореть,
Не должен жертвой стать, попав в тугую сеть.
И от любви бежать не должен ты, но должен
Любить и ни о чем потом не сожалеть.

28

В чертоге глаз моих ты снова отразилась —
И мой недуг утих и сердце оживилось.
И показалось мне, что весь подлунный мир
Упал к моим ногам и сдался мне на милость.

29

Теплом своей души ты душу мне согрела,
А следом за душой и тело разомлело.
Так будь и впредь добра и грубостью своей
Мне душу не студи, не отделяй от тела!

30

Чужбине заплатил своею кровью дань я.
Мое лицо давно покрыла пыль изгнанья.
Мне страшно расспросить о том, как ты жила,
Мне страшно говорить и про свои страданья.

31

О роза, я твой раб, а ты — моя душа.
Я ни о ком не пел, любовью не греша.
Но о тебе пою, как соловей влюбленный.
И звонок голос мой, и песня хороша.

32

О милая, с тобой добиться встречи трудно,
Выслушивать твои благие речи трудно.
И позабыть любовь, хоть вспомнить нечем, —
трудно.
И бросить это все, уйти далече — трудно!

33

С надеждою к тебе я шел, моя луна,
Я счастья не нашел, ушел, моя луна.
Страданье по тебе — единственный мой спутник,
А путь мой так тяжел, тяжел, моя луна!

34

Повсюду снег и снег — над полем, над рекой,
Снег радостен для тех, в чьем сердце есть
покой.
О боже, предо мной все замело дороги.
На путь добра меня направь своей рукой!

35

Ты, милая, со мной то ласкова, то зла,
Для ран моей души то пластырь, то игла.
И сам бы не был я то весел, то печален,
Когда бы ты со мной всегда добра была.

36

Те не поймут любви, что сами не любили.
Для той, кого любил, мои страданья были
Ничтожнее, чем пыль. Что ж, я ушел навек,
Теперь она моей не сыщет даже пыли.

37

В разлуке заболел и ослабел Бабур.
Стал от своей тоски и стар, и бел Бабур.
Бабур тебе послал в подарок померанец.
Чтоб поняла и ты, как пожелтел Бабур.

38

Я старше, мне учить, тебе учиться, брат,
Лишь нынче понял я, что жизнь как птица, брат.
Лови ее сейчас, люби сегодня милых,
Ведь завтра этот день не повторится, брат!

39

Разлука — это край, где я воздвиг жилище,
Пустынный край — не рай, мое жилище нище.
А я еще живу, клянусь, лишь потому,
Что образ твой — мой свет, мое питье и пища!

40

Как мы живем? Ты — там и весела и рада,
А я в разлуке здесь терплю мученья ада.
Но образ твой во мне, твой образ предо мной,
И, честно говоря, мне ничего не надо.

41

Вновь я веселым стал, увидев твой платок.
Я знаю: птица я, а твой платок — силок.
И нить своей души с его связал я нитью,
Нарушить эту связь попробовал — не мог!

42

В разлуке с нею жизнь мне кажется тюрьмой,
Чтоб встречи с ней достичь — безвольный я, немой.
Чтоб тайну разделить, где друг мой в этом мире?
Чтобы излить печаль, где сопечальник мой?

43

Твоим стихам звенеть, пока есть жизнь и горе,
Читать их будут, петь с безумием во взоре.
Слова их — жемчуг. Нет! Что жемчуг: в море он.
В жемчужинах твоих в самих бушует море!

44

Как царство, сердце ей я отдал во владенье,
К владенью своему она полна презренья.
О, горе тем краям, чей равнодушен царь:
Судьба их решена — разруха, запустенье.

45

Я напишу письмо тебе — моей царице,
Взамен пера из век я выдерну ресницы.
Я выколю зрачки, чтоб не искать чернил,
Я испишу белки, как белые страницы.

46

К тебе снисходит бог, пророков всех минуя,
Владычица владык, тебя люблю одну я.
Ты для людей земли убежище добра.
Так где же мне искать заступницу иную?

47

Доколь разумных слов не понимать ты
будешь?
Хороших от плохих не отличать ты будешь?
Ты так живи, чтоб был тобой доволен бог,
И всем его рабам тогда подстать ты будешь!

48

Растерян я, смятен и помощь, словно чуда,
Я жду лишь от тебя и больше ниоткуда.
Обращена всегда моя мольба к тебе,
Владыка двух миров, всесильнее Махмуда.

49

Читал твое письмо и повторял, как стих,
Читал и понимал, что должен быть в живых.
Сто жарких клятв твоих я видел в каждом
слове,
И в каждой букве сто порывов чувств твоих.

50

В пути любви к тебе я пью разлуки яд,
А есть ли путь любви, что не похож на ад?
Коль есть, так покажи, и встречусь я с тобою,
А если нет, уйду, куда глаза глядят.

51

Коль вспомнишь обо мне в разлуке добрым словом,
Недужного меня ты сделаешь здоровым.
Для этого тебе я и пишу письмо,
На мой далекий зов и ты откликнись зовом.

52

Ты намекнул о милости несмело,
Не беспокойся, наше слово — дело.
Ты попросил одежду и зерно,
Зерно наполнит дом, одежду — тело.

53

Завистники в меня бросали грязь, ей-богу.
Наслушалась ты их и поддалась, ей-богу,
Ты бросила меня, хоть излечить могла,
Скорей, чем лекаря, трава и мазь, ей-богу.

54

Из-за твоих очей, что расплавляют лед,
Из-за твоих речей, что расточают мед.
Из-за твоих волос, что оплели мне душу.
Я твой покорный раб теперь и наперед.

55

Любить, страдать меня ты обрекла навечно,
Я о тебе грущу, ты о другом, конечно.
Пусть будет тот, другой, с тобой бездушен так,
Как ты со мной всегда бездушна, бессердечна.

56

Земля твоей красой, как солнцем, озарилась,
А я тянусь к тебе, где б ты ни находилась.
Так позови меня скорее, сделай милость,
Или приди сама — терпенье истощилось.

57

Коль обо мне вчера подумал кто-нибудь,
Я говорю ему: «И завтра не забудь,
Считай меня своим товарищем надежным
И так же, как вчера, мне завтра верен будь!»

58

Хочу все чаще я беседовать с людьми,
да только, как начать — не ведаю, пойми.
Ведь вовсе не по мне кутеж и развлеченья:
я мир прошел в труде и горем мерил мир...

59

Я о тебе мечтать могу издалека,
Мечтаю о тебе — уходит прочь тоска.
И хоть печали нет печальнее разлуки,
От мысли о тебе печаль моя легка.

60

Моя любовь тяжка, она горы огромней,
Я сам ее воздвиг, и потому легко мне,
Ты говорила мне: «В разлуке не забудь!»
Коль мне тебя забыть, кого — скажи — мне
помнить?

61

Не знала ты любви, не ведала тревог —
Я много претерпел, но больше я не мог.
Ты не заметила, как я тебя покинул:
Не все ль тебе равно, я близок иль далек?

62

Я дал любви обет, чего еще ты хочешь?
Не мил мне белый свет, чего еще ты хочешь?
Ты заставляешь ждать, и я все жду и жду,
Прождал я много лет, чего еще ты хочешь?

63

Я счастья и удач не жду, и каждый день я
Не радостей прошу, ввысь вознося моленья.
Коль счастья в мире нет, с судьбой смирись,
Бабур,
К несчастью и беде вымаливай терпенье.

64

Жестокости закон нам соблюдать зачем?
Взрастив траву любви, топтать и рвать зачем?
Менять любовь на гнев и нежность на
жестокость,
Меня то гнать, то звать, то гнать опять зачем?

6 — 2741

65

О ветер, ты за день весь облетаешь свет,
Лети в ту землю, где я не был много лет.
Кто позабыл меня, тех не тревожь напрасно,
Кто помнит обо мне, тем передай привет.

66

На плечи взвалит мне свой тяжкий гнет
разлука.
Сто горестей, сто бед мне принесет разлука.
Передо мной запрёт к любимой вход разлука,
Меня согнет, спаси, меня убьет разлука!

67

О взгляде дорогом я людям не скажу,
О голосе твоем я людям не скажу,
Как ты мила, о том я людям не скажу,
Что я горю огнем, я людям не скажу.

68

Где то вино, чтоб стать мне пьяницей отпетым?
Михраб не для меня, не стать святым мне, где там!
Нет способа, чтоб мне на путь разврата встать,
Нет воли у меня — и мне не стать аскетом.

69

Не жги меня огнем, и так страданий много,
Печальней с каждым днем не делай, недотрога.
Надежды не лишай, коль у тебя самой
Еще надежда есть на милосердье бога.

70

К ней рвусь я наяву и рвусь во сне, что делать?
Но нет, не нужен я моей луне, что делать?
Я плачу день и ночь, горю в огне, что делать?
Что делать мне, увы, что делать мне, что делать?

71

О ты, чей лик — луна, взгляд горячей огня,
О ты, чье сердце — сталь, а печень из кремня,
Коль не найдешь в душе приветливого слова,
Хоть бранью площадной ты помяни меня!

72

Проснись, Захириддин Мухаммад-шах Бабур,
Очнись, Захириддин Мухаммад-шах Бабур,
Освободись от всех оков земного счастья,
Смирись, Захириддин Мухаммад-шах Бабур.

73

Тому, кто свет искал и знания постиг,
Достойный ученик нужнее всяких книг.
Я многое постиг, но нищ учениками,
Быть может потому, что сам я ученик.

74

Я сердцу говорю: «Любовью не живи,
Тебе, увы, не стать счастливей от любви!»
А есть ли в мире тот, кто знал в любви удачу?
Коль есть, скажу ему: «Судьбу благослови!»

75

Меня судьба, увы, измучила вконец,
Оторвала давно от любящих сердец.
Чего-чего она мне только не дарила:
И горе, и позор, и царственный венец.

76

Я голосом твоим и взглядом околдован,
Я болен, мне удел печальный уготован.
Мне убежать бы прочь, бежать я не могу:
К тебе косой твоей, как цепью, я прикован.

77

Коль было б у небес побольше доброты,
Чтобы сбывались все влюбленных душ мечты.
Тогда и я, Бабур, свое зажег бы сердце,
И, может быть, меня тогда б любила ты.

78

Я слышу снова шум пиров и пьяных драк —
Подлунный мир, увы, походит на кабак,
Не слушайся врага, внимай совету друга,
А друга не поймешь, обрадуется враг.

79

Тебе, моя любовь, я душу-храм отдам,
И голову свою тебе я сам отдам,
И печень, что горит, и сердце, что болит,
Я в жертву волосам твоим, глазам отдам!

80

О, если бы ко мне благоволил эмир!
Тогда войною пусть на нас идет весь мир!
О, если бы всегда взирал бы добрым взором
На своего раба он — царь мой и кумир!

81

Мечтает сердце быть с тобою снова,
Оно не в силах жить без друга дорогого.
Как я к тебе стремлюсь, я говорить боюсь:
Стремление к тебе сильнее дара слова.

82

Написаны мои стихи не очень гладко:
Порой в них связи нет, порою нет порядка.
Но я тебе их шлю, чтоб получить твои
Стихи, в которых нет и тени недостатка.

83

Твой почерк увидав, я испытал смятенье,
Прочтя твои стихи, я испытал волненье.
Не говори, что я пренебрегал тобой.
Виной всему дела и звезд расположенье.

84

Доколь в разлуке злой все ночи до утра
Мне говорить с тобой лишь языком пера?
Ты — там, я — здесь, с тобой я жажду встречи новой,
Нам встретиться, мой друг, поговорить пора.

85

Без взгляда твоего и сладкозвучных фраз
В далекой стороне едва я не угас.
Ты злишься на меня и не даешь ответа.
Я больше не могу твоих не видеть глаз.

86

О воины, у вас есть доблесть, нету силы,
Сойдите с этих стен, как вам они ни милы.
Два выхода у вас, у полумертвых, есть:
Ворота отворить или сойти в могилы.

87

Когда беда пришла, с бедой смириться трудно,
Когда грохочет бой, вина напиться трудно.
Когда не пьешь вина, увы, забыться трудно.
От любящих уйти иль отстраниться трудно.

88

Кто презирает всех, презрения достоин,
Жестокий человек мучения достоин.
Хорошим людям бог хороших даст в друзья,
А кто с другими плох, отмщения достоин.

89

То, что скажу тебе, не блажь, не болтовня,
Внемли моим словам, свою главу склоня.
То, что скажу тебе, не терпит возраженья,
И ты не возражай, не огорчай меня!

90

Что делать нам, увы, нам не верна судьба,
Бессилен я пред ней, со мной она груба,
Судьба подарит день свидания, а после
Разлуки ночь нашлет на своего раба.

91

Коль совершил я зло и омрачил твой взгляд,
Скорблю, что не могу все повернуть назад.
Я плохо поступил, я сам тому не рад,
Но я б тебя простил, прости, я виноват!

92

Поэт любимый мой, ты средь поэтов — хан.
Твой стих — родник живой, твой стих — стихов султан,
Слова твоих стихов средь слов произнесенных
Как светлый луч во мгле, пронзающий туман.

93

Услышать я хотел твой сладкозвучный стих,
Когда он прозвенел, казалось, мир затих,
В глазах моих светло от ровных черных строчек,
И жемчуг слов твоих звенит в ушах моих.

94

Покинули меня терпенье и покой,
Печаль свою кляня, я слезы лью рекой.
Я к вере охладел, в делах не преуспел.
Что делать мне, идти дорогою какой?

95

Когда меня ты вспомнил, друг мой милый,
Во тьме светло мне стало вдруг, мой милый.
Нам свидеться нельзя, но теплый твой привет
Мой излечил недуг, болезнь разлук, мой милый.

96

Чтоб счастьем взгляд зажечь, ты, видит бог, пришла,
Чтоб дом своих страстей дотла я сжег, пришла.
Благодарю тебя, сто раз тебе спасибо,
Что, наконец, ко мне на огонек пришла.

97

Для пламени любви я вновь добычей стал,
Влюбленный и больной, я грустной притчей стал.
Я слышал о тебе, и хоть тебя не видел,
Я петь и прославлять твое величье стал.

98

Перед твоей красой померкла солнца слава,
Я — пленник слов твоих и ангельского нрава.
Ты письма пишешь мне, а ты приди сама
Иль позови меня, я исстрадался, право!

99

Я счастлив, наконец, светла моя звезда,
Любимая со мной нежна, добра всегда,
И если из-за дел приду я на свиданье,
Немножечко поздней, ей-богу, не беда.

100

В разлуке грусть моя огромною была,
Скорбящая душа бездомною была,
От жарких слез моих, от дыма горьких вздохов
Дорога хлюпкою, ночь темною была.

101

Несправедливой ты всегда была со мной,
От льда твоей души я мучился, больной.
Но мысли о тебе мне радость приносили,
Когда вдали от всех я жил тобой одной.

102

Я горя перенес немало, что мне делать?
Позором жизнь меня пытала, что мне делать?
Я, полюбив тебя, пожертвовал душой.
Но ты моей душой не стала, что мне делать?

103

Как в прежние года: наступит рамазан —
И в праздники и в пост передо мной стакан.
Я не молюсь давно и не пощусь давно,
От вин и анаши безумен я и пьян.

104

Болезнь меня трясла, я бредил и горел,
Изнемогал без сил, в заботах я скорбел,
Я видел много зла, я белым стал, как мел,
Ты обо мне спросил, и я повеселел.

105

Где розы — там шипы, зло в радости, ну что ж!
Без горечи в вине нет сладости, ну что ж!
Вот и в моих стихах, то грустных, то веселых,
И взлеты есть порой, и слабости, ну что ж!

106

В степях чужой страны запутаны дороги,
Мне не по силам путь: мои ослабли ноги.
Спасибо хоть за то, что вести о тебе
Приходят в этот край, врачуя все тревоги.

107

День ото дня сильней мой жар тиранит тело,
а сон — бежит от глаз, едва заря зардела.
Они подстать моим терпенью и беде:
кончается одно, другой же — нет предела.

108

Кто жалкие слова с обидой говорит,
Тот или неумен, иль ищет сам обид.
Я дам тебе совет: смывай вином обиды —
Сам знаешь, тот, кто пьян, обиды не хранит.

109

Я шлю тебе платок, такой, как ты хотела,
Из ткани желтой он и тонкой до предела.
Внимательней всмотрись, похож он на меня:
Желт, как мое лицо, и невесом, как тело.

110

Ужель ты, наконец, нарушила молчанье!
Принес мне твой гонец надежду на свиданье.
Я твоему гонцу готов был стать рабом —
Твой раб освободил владыку от страданья.

111

Нет родины и счастья боле нет,
И ничего уж, кроме боли, нет.
Я в этот край пришел своею волей,
Его оставить силы воли нет.

112

Уж лучше совершить тяжелых сто грехов,
Принять сто тяжких мук, сто обрести врагов,
Чем, став ослушником, родителя обидеть,
Чем не прийти к нему в тяжелый час на зов.

113

Оставив путь греха и бросив пить, я много
Лишений перенес и мук во имя бога.
Не рано ль я врата раскаянью открыл,
Не очень ли уж я к себе отнесся строго?

114

Я дал обет не пить, связал себя обетом,
Что делать мне, как жить, чьим следовать советам?
Раскаясь, пьющие дают зарок не пить,
Я дал зарок не пить и каюсь только в этом.

115

Чужбина — клетка, в ней постыло все, немило.
Давно моя душа, как птица, загрустила.
Что претерпел я здесь, мне трудно описать:
Смывают слезы глаз с лица письма чернила.

116

В душе моей огонь, в глазах слеза всегда,
От удали былой ни тени, не следа.
Тягучий день забот сменяет ночь разлуки.
Покоя нету днем, нет ночью сна, беда!

117

Бессонницею ночь меня пытает строго,
Днем жжет меня огонь — о, сжалься, ради бога!
Мой сон с терпеньем схож, с огнем — моя тревога.
Как мало одного и как другого много!

118

Не вечно ничего: ни осень, ни весна,
Не верен другу друг, подруга не верна.
Спеша, вертится круг, напрасно жизнь проходит,
Безрадостна, увы, и коротка она!

119

Я снова средь друзей — о долгожданный миг!
К потоку их речей я с жадностью приник.
Как трудно мне, друзья: ведь я за эти годы,
Привыкнув горевать, от радостей отвык!

120

Я увидел тебя — и померк белый свет!
Этот день для меня стал источником бед.
Я надеялся сердце спасти от любви,
Но влюбленному сердцу спасения нет!

121

Не обижусь на шутки твои, о душа!
Приласкаешь меня, я замру, чуть дыша.
Холодна ты со мной иль со мной ты нежна,
Весела иль грустна — все равно хороша!

122

От печали я пьян, если нету вина!
Грустно сердце мое, и душа смущена.
Трезвость больше, чем грусть, убивает меня —
Если чаша пуста, то и жизнь неполна!

123

Поскорей пробудись, отряхни нежный сон,
Стань смеющейся розой, мой алый бутон!
Чангом звучным своим в плен ты сердце взяла,
Стонет в чанге оно — о, услышь этот стон!

124

К нежной розе смеющейся, ветер, лети,
К солнцеликой луне, что мне светит в пути.
От Бабура горячий привет передай,
Мне роднее ее никого не найти.

125

О ветерок, дорогами любыми
до тех домчись, что так давно любимы,
скажи — я жив и жажду одного:
чтоб и они хоть где-то жили, были...

126

Игрою глаз, уловок слова лисьих
Бабура вознесла, к себе приблизив.
А там — воздвигла тысячи преград,
бедой любви безжалостно унизив...

127

Близ этих глаз — красавиц мучит зависть.
Взор этот душу выжег мне, вгрызаясь.
Мои зрачки, от черных тех очей
сгорев — чернее угля оказались!

128

Услышав голос этого певца,
в слезах былое вспомнили сердца.
Что ж, имена столь близкие услышав,
вы моего не вспомните лица?

129

Вселенная, Бабур, несла нам столько зла —
уже терпенья нет, а бедам нет числа.
Таков удел души в несовершенном мире,
где нас со всем родным разлука развела.

130

Ты вспомнила меня в глухой дали разлуки —
и страсти страждущей укоротила муки.
Та милость такова, как если б черный куб
Каабы рухнувшей кто поднял из разрухи!

131

Мне слез не удержать, их жаркого теченья.
Чего ни повидал за годы разлученья!
Но солнце твоего лучистого лица
на небе памяти затмить не мог ничем я...

132

В разлуке вспомни — и такой наградой
мою печаль бессонную обрадуй.
Ведь и пишу тебе лишь для того,
чтоб в эту память втиснуться украдкой...

133

О луноликая, лишавшая покоя!
Моей любовью став, ты сделалась другою:
я напрочь разорен, тебе ж и нужды нет!
О горе, горе мне, о горе мне, о горе...

134

С тех пор, как мы друг друга повстречали,
твоя любовь несет одни печали.
Не ведая, неверным назвала!
Но в чем неверность, отвечай вначале?

135

В ста письмах я к тебе с любовью набивался,
на разных сто ладов свиданья добивался.
Добился — и узрел совсем не то, что ждал...
Прости — но я тобой отнюдь не любовался!

136

Красу твою так дружно славят все —
как мне назначить встречу сей красе?
А ежели не удостоюсь счастья —
какой глухой довериться стезе?..

137

Спокоен будь, я дам всего, что хочешь,
и даже должность, что себе ты прочишь.
Зерна — по горло, и одежд любых...
Всех главных благ, и всех достатков прочих!

138

Пускай живут завистники подале,
что нам разлуку горькую гадали.
Чем ближе мы, тем дальше будь от них —
Их злобных глаз, хулы и назиданий.

139

Волну твоих волос воображаю часто,
с тобой мечтаю видеться всечасно...
И, словно мертвых — ветер с губ Исы,
весть о тебе живит мой дух несчастный!

140

Свою просторно строенную баню
с самим собой сравню без колебанья:
в работе — жаждет пота, пыла, слез;
красавиц ждет, от жара погибая!..

141

Письмо мое прочти — мою узнаешь руку —
и легче ветерка спеши навстречу другу.
Прочел твои глаза — и написал ответ;
скорей же, твой черед, довольно длить разлуку.

142

Ушел юнцом... Увы, беде в угоду
не длите слез осеннюю погоду.
И все ж за каждую слезу о нем
пускай судьба добавит вам по году!

143

Так груз разлук мои измучил плечи,
что нынче лучше говорить о встрече.
Придешь ли ради самого меня? —
я все исполню, просьбам не переча!

144

Я милостей твоих так пламенно желаю:
чтоб там, где я живу, и ты всегда жила и
кокетством сладостным растила сад души,
покорности моей снимая урожаи...

145

Нет выше счастья в лоне мира злого:
когда близки любимой тайны слова!
Враги вредят нам злобою своей —
друзья непониманьем мучат снова.

146

Сначала — милость, после — угнетенье...
Я стал от страсти собственною тенью!
А ты все это видишь — и молчишь.
Не любишь? Что же... примирюсь и с тем я!..

147

Взимает небосвод сплошную дань скитаний,
однако не уймет сердечной боли давней.
Хотел бы я понять, что замышлял господь:
страданья — для меня, меня ли — для страданий?..

148

Страною правя, чти людей труда,
от них не отделяясь никогда.
Забудь свои пристрастья, и обиды,
внимай их бедам, а не то — беда.

149

По кругу бедствий рок пустил терпенья чашу,
на цепь разлук обрек в чужбине верность нашу.
Но вышел горю срок, лихое позади,
и счастье — на порог, так долго пустовавший!

150

О нежный ветерок, скорее в Хорасан,
растерянной красе приникни к волосам,
шепни ей: столько раз сама ко мне спешила,
теперь же к ней в тоске о том взываю сам!

КЫТЪА

1

Терпеть мне приходилось от людей
И притесненье и обман не раз...
Чем обещания обоих царств,
Не лучше ль бекство малое сейчас?

2

Нет у меня обиды на тебя,
Я не сержусь, хоть нет с тобою сладу.
Жестокой будь, иль милость прояви,—
Я все приму, как высшую награду.

3

Распутного кази, что мною послан,
Верни назад; чтоб не было беды.
С ним, если хочешь, мне пошли в подарок
Вина и померанцевой воды.

4

Мечты о ней мою тревогу лечат,
Хоть все надежды тщетны — знаю сам.
Не выдавай, мой друг, заветной тайны,
Прошу я лишь об этом. Вассалам.

5

**Коль встреча с милой ждет нас на чужбине,
Зачем тогда родная сторона?
Мне нынче милая письмо прислала.
Не письма мне — она сама нужна!**

ФАРДЫ

1

Без милой ничему душа моя не рада,
Ничто не мило мне и ничего не надо.

2

Я смерти не боюсь, но я боюсь разлуки.
Пусть причинят мне смерть твои глаза и руки.

3

Пылает губ ее бутон, раскроется бутон.
Не для меня, кто в них влюблен, раскроется бутон.

4

В подлунном мире ничего нет сладостней свиданья, брат,
И все ж не оценить его не знавшим расставанья, брат.

5

Нам нравится подчас то больше, что вдали:
Друг, что далек от нас, дни, что давно прошли.

6

Ты хочешь дружбы — докажи: скорей приди ко мне.
Я побеседовать с тобой хочу наедине.

7

Когда б весь этот мир исчез, все люди бы пропали,
Ступив на путь небытия, и я б не знал печали.

8

Тебя пришелец полюбил, но робок он, несмел,
Как ветвь, он голову склонил, как лист, он пожелтел.

9

Пусть милая меня простит — в том не моя вина:
Я нынче оценил ее, когда вдали она.

10

Разлука! Есть ли боль, чтобы сравнилась с нею?
И тяжкая болезнь разлуки не больнее.

11

В разлуке слезы лью, хоть я и пью вино.
Несите прочь его, меня гневит оно.

12

Моих желаний суть: покинув край Бабура,
О прошлом не забудь и вспоминай Бабура.

13

Сгубило много душ проклятое вино,
Мне ж от разлуки с ним погибнуть суждено.

14

О, вслушайся в мои слова: я болен от разлук,
Я напряжен, как тетива, и согнут, словно лук.

15

Пусть пери век живет и черных дней не знает,
Пусть честный человек плохих людей не знает.

16

Я в лес уйду, себя приговорив к изгнанью,
Чтоб отыскать тебя, что кажешься мне ланью.

17

Пока еще я жив и ты пока жива,
Пойми меня, прочтя стихов моих слова.

МАСНЕВИ

1

К розе моей быстро слетай, о ветерок,
Весть обо мне ей передай, о ветерок!

В светлый покой ханши моей тихо впорхни,
Ей поклонясь, речь на меня ты поверни.

Скажешь ей так: «Мне показав ясный свой лик,
Сердце мое как ты легко вырвала вмиг!

Сердцем моим будто на час ты увлеклась,
Но через час ты прогнала прочь меня с глаз.

Разве такой может любовь быть где-нибудь?
В дружбе святой кто на кривой пустится путь?

Ты не такой виделась мне издалека.
Знал ли я, сколь, роза моя, ты жестока?

Ради тебя бросил друзей, бросил я мир,
Из-за тебя в мире брожу, скорбен и сир.

Был я мечтой лишь о тебе занят всегда,
Мысли твои прочь от меня тянет всегда.

Другом меня ты нарекла, но почему
Вдруг от меня ты отреклась, я не пойму.

Или границ черствости нет, или — скажи —
Истинно нет в мире нигде меры для лжи?

Сумрак обид нужно ль таить между друзей?
Дружеских слов светоч зажги, сумрак рассей.

Но, отшвырнув сердце мое, как ты могла
Мне отказать в слове одном, в капле тепла?

Ах, для чего даром слова тратит Бабур?
Разве тебе той же ценой платят, Бабур?

Пери своей много Бабур слов приберег,
Гордость блюдя, скажет он суть, и — за порог!

Но если ты будешь себе так же верна,
Если опять не проронишь правды зерна,—

Значит, свою злую судьбу горько кляня,
Сам я решу: в мире — любви нет для меня.

Раны своей в чуждых краях не залечу,
Но удалюсь. Голову лишь в путь захвачу.

Роза! Пришли скорый ответ или — клянусь —
Корчась от мук, я, как письмо, в свиток свернусь».

2

О ветерок, быстрей лети, найди порог,
Владычицы моей, прекрасной, как цветок.

Лети, мой верный друг, лети в далекий край,
Мой стон, мои слова неверной передай:

«Свой открывая лик, ты мой смущала лик,
Ты, сердце взяв мое, с ним поиграла миг.

В мечтах моих и снах ты не такой была,
Не думал я, что ты коварна так и зла.

Зачах я, изнемог, делами пренебрег,
Стихами пренебрег, друзьями пренебрег.

Покой в твоем краю я потерял, поверь,
Но в сторону мою ты не глядишь теперь.

Твой взгляд и речь твоя, как хизрова вода.
Где отыскать ее, идти за ней куда?

Где слово, что ко мне с твоих слетает губ?
Ручей воды живой всегда на влагу скуп.

Участия слова врачуют от обид —
Та, кем обижен я, по-прежнему молчит.

Владычицей моей, пресытившейся мной,
Я брошен и забыт, бессильный и больной...»

Болтливостью, Бабур, не очень-то греши,
Не унижай себя, не раскрывай души.

Ты, друг, по простоте доверчивым не будь,
Из слов возьми лишь те, что выражают суть,

Скажи своей луне: «Коль не напишешь мне
Того, что говорят любимым в тишине,

Пойму, что я тобой отвергнут, и тогда
Уйду я навсегда неведомо куда.

И если вновь письма в ответ я не дождусь,
То, как твое письмо, сам в свиток я свернусь».

3

«О ты, что лучших жен затмила красотой,
Которой посвящен корана стих святой!

Я — жалобщик простой, проситель твой, а ты —
Владычица владык на троне красоты.

Что горестней разлук? Я разлучен с тобой.
На сотни страшных мук я обречен судьбой.

Мне горе суждено — я слезы лью рекой,
Я потерял давно и разум и покой.

В моих глазах давно не отражалась ты,
Но в сердце все равно навек осталась ты.

Вдали твоих бровей я согнут сам, как лук,
Я болен от разлук. Смертелен мой недуг.

Мне б убежать скорей — судьбой наказан я,
Узлом твоих кудрей я скован, связан я.

Я раб твоих очей, твоих речей я раб.
Чтоб это пережить, я сердцем слишком слаб.

Когда б твое лицо увидел бы опять,
Покинул бы я мир: что в нем еще желать?

Как прежде, знаю я, твой лик сейчас суров.
Хоть слушаешь меня, моих не слышишь слов.

Быть может, про меня плохое говорят,
Враги, лжецы тебе вливают в сердце яд.

Рассеет правда ложь в конце концов, мой друг,
И посрамит тебя и всех лжецов вокруг.

Свет сердца моего, другим не стал Бабур,
Тебя ни на кого не променял Бабур.

И если сто мечей мне на главу падут,
Блестя огнем очей, сто гурий промелькнут.

То все равно в душе и в сердце будешь ты,
И будут лишь тобой полны мои мечты.

Что мне в удел ни дашь, чего мне ни пошлешь,
Печаль все будет та ж, страданье все то ж.

Любимая моя, нет лжи в моих словах,
Порука — жизнь моя, свидетель мой — аллах!

Достал я все слова со дна своей души.
Права ль ты, не права ль — подумай и реши.

Реши, но не спеши — взвесь все мои слова!
Я сердце протянул, ты взяла сперва,

Но бросила его, возьми назад скорей.
Отдай взамен свое, брось добрый взгляд скорей.

Что б ни решила ты, всегда счастливой будь.
Царица красоты, всегда красивой будь!

Веселой будь всегда, здоровой будь всегда,
Всегда, всегда, всегда — до страшного суда».

4

О ветерок, ты не рысцой — вскачь устремись
К улице, где стройный стоит мой кипарис!

Вихрем рванись, взвейся в полет свой вихревой
И закружись над дорогой мне головой.

И опустись, и преклонись раньше пред ней,
И доложи так обо мне ханше моей:

«Я заболел, я изможден, словно Меджнун,
Разумом стал я поврежден, словно Меджнун.

Знаешь ли ты, пери моя, сколько я лет
Мучусь, томлюсь, жду — но тебя, милая, нет!

Только один друг у меня — мысль о тебе,
В мире одна только родня — мысль о тебе.

Ты же ко мне, пери, была столь холодна,
Зная мои муки, мою боль — холодна!

Как же ты столь черствою быть годы могла,
Как же такой страстью моей пренебрегла!

Если своей опьянена ты красотой,
То и меня чары своих чар удостой.

Верность блюдя, и под плетьми частых обид
Был я тебе верен, но был все же забыт.

Я ли тебе не уплатил дань? И за что!
Я ль роковой не преступил грани? За что?

Я ль не дошел и до того, чтобы проклясть
Дружбы стезю, плотской любви грозную страсть?

Чуть на себя не наложил тяжкий запрет —
Чуть ли себя не бичевал, словно аскет».

Все я отверг, все заклеймил, думал — конец.
Вдруг от моей пери ко мне прибыл гонец!

С вестью благой прибыл ко мне посланец тот:
«Встречи, Бабур, жди — недалек счастья восход!»

Как потрясли душу мою вести слова!
Радость мою чем изъясню? Есть ли слова?

Смею ли я верить письму? Вестник, ответь!
Или опять в ласке письма — скрытая плеть?

Если слова искренни, что ж пери сама,
Ветер взнуздав, не принеслась вместо письма?

Я ли, Бабур, не изучил ветрениц нрав?
Мне ли не знать, сколь он жесток, сколь он лукав?

О, возвратись, добрый гонец, к ханше души,
Ей доложить слово мое ты поспеши.

Скажешь ей так: «Ты бы мое сердце спасла,
Если б сама прибыла вдруг вместо посла.

Мне оказав через посла милость и честь,
Милость еще сделай, скажи — правильна ль весть?

Мне уж гореть невмоготу врозь от тебя,
Веры в слова не обрету врозь от тебя.

С сердцем моим ты не лукавь, о госпожа,
Впредь от такой муки избавь, о госпожа!

Сердце мое будешь пытать жаждой доколь?
Или явись, или меня вызвать изволь!

Веру вернуть может мне лишь встреча с тобой,
Но если вновь ты отдалишь встречу с тобой —

Больше Бабур силы в душе не обретет,
Смысла в земной жизни уже не обретет...

Внемлешь ли ты, пери, моим страстным словам?
Все, что таил, то я открыл. И — вассалам!»

5

Эти мои мысли схвати, о ветерок,
И поднимись, и полети, о ветерок!

В светлый покой к пери моей тихо впорхнув,
Ей поклонись, речь на меня так повернув:

Скажешь: «Бабур розе салам передает,
Пламя любви страстным словам передает».

Пери не раз я отправлял письма свои,
В них изливал чувства и все мысли свои.

Думал я: взяв сердце мое, стала она
Другом моим, будет она нежно верна.

Разве я знал, что, завладев сердцем, как друг,
Ты проявлять дружбу начнешь пытками вдруг?

Кем-то всегда в мире любим каждый — ужель
Я бы ничьей не утолил жажды? Ужель

Роз не найти в мире? Иль все — нехороши?
Я же из всех выбрал ее, смуту души!

Выбрав ее, сколько страдал, с ней разлучась,
Но уповал: встречи придет радостный час!

Разве я знал, что навсегда с ней разлучен
И что огню вечной тоски я обречен?

Сколько писал писем, с каким жаром писал!
Хоть бы одно отклик нашло! Даром писал!

Как я молил! Вихри огня в письмах взметал,
В слове горел, плавился в нем, словно металл!

Как я страдал, как тосковал! Думал: доколь
Тщетных надежд, едких обид жгучая боль?

И, перестав ждать, я свои проклял мечты,
Духом смятен, у роковой стал я черты.

Вдруг от тебя я получил весть — и опять
Я обратил войско своих горестей вспять.

Войско надежд выстроил вновь, славя судьбу,
Я приложил счастья письмо к бледному лбу.

Только, увы, радости свет вскоре потух,
Вскоре во мне снова упал воспрянувший дух.

Сколь велика милость твоя, сколь ты нежна!
Но ведь была нежность твоя раньше нужна!

Как оценить ласку твоей речи теперь,
Если нам нет даже надежд встречи теперь?

Все ж и тебе сердце смягчить было не лень,
И у тебя — сердце в груди, а не кремень.

Сколько обид ты нанесла — этой не ждал,
Сколько я лет встречи с тобой, сетуя, ждал!

Если тебе дорог был твой раб, госпожа,
Что ж ты его мучила, им не дорожа?

Пери, обет верности вновь ты мне даешь —
Сердца ли в нем искренность иль прихоти ложь?

8 — 2741

Как же мне знать: плод ли добра эти слова,
Злая ль игра, шутка ль пера эти слова?

Чтоб доказать дружбу, свое слово блюди,
Делом любви клятву свою ты подтверди.

Если мечте сбыться сейчас не удалось,
Если удел сердца и впредь мучиться врозь —

Я претерплю! Станет заря встречи близка —
И потеснит войско надежд скорби войска.

Только блюди то, что тобой сказано здесь,
Помни: своей клятвою ты связана здесь.

Молит Бабур, верный твой раб,— милость яви,
К жизни его ты возврати встречей любви.

Но поскорей движется пусть счастья арба,
Поторопись, коль своего ценишь раба.

Все я сказал, что затаил в сердце, любя.
Верю: в ответ я получу весть от тебя.

Ныне на путь вести твоей вышлю свой взор,
И — вассалам! Кончен на том мой разговор.

6

Поверь, что душу за тебя отдам я,
Весь мир, тебя одну любя, отдам я!

Я жизнь отдать готов за стан твой гибкий,
Стать жертвой глаз твоих, твоей улыбки.

Из-за тебя одной мои мученья,
Скажи мне, где найду я исцеленье?

Ты для меня — источник всех мечтаний,
Достичь тебя — предел моих желаний.

Пусть жизнь твоя, души моей царица,
С красой твоей пленительной сравнится.

Прекрасное должно быть бесконечно,
Так пусть и жизнь твоя продлится вечно!

Пришел гонец, принес твое посланье,
В нем и любви и верности дыханье.

Оно больное тело оживило,
Водою Хызра душу напоило.

Я, как святыню, целовал листочки
От первой строчки до последней строчки.

Мне фраза каждая казалась сказкой,
И слово каждое дышало лаской.

Верна подруга мне и любит нежно,
Велик аллах! Она осталась прежней!

И я люблю ее все с той же силой,
Пусть дни идут, ей верен — до могилы!

Из одинокой хижины разлуки
Приду я в храм свиданья. Прочь все муки!

И если бог (воздам хвалу я богу!)
Поможет мне найти к тебе дорогу,

Иль, милость оказав, тебе поможет,
Прийти ко мне (о, помоги ей, боже!).

Как мотылек, взлечу я над тобою,
Начну кружить над милой головою.

Ты овладела мыслями моими,
И каждый миг твое твержу я имя!

Хочу, чтоб ослепительной луною
Твое лицо горело надо мною!

А если нет — пусть тут же станет прахом
Все созданное на земле аллахом.

Перевернутся пусть земля и небо,
Чтоб я не помнил: есть я, был ли, не был!

Я все сказал. Теперь прошу тебя я:
Живи и, впредь меня не забывая,

Храни любовь возвышенной и чистой
И обходи измены путь тернистый.

Бабура вспоминай, пиши почаще,
Письмо твое — бальзам душе скорбящей.

Заканчиваю этим я посланье,
Прими привет и счастья пожеланье.

7

Было со мной: ночью лежу, духом смятен,
Влага в глазах, в жилах огонь, крови взамен.

Так я лежу, душу гнетет бремя тоски,
Сердце свое, горько стеня, рву на куски.

Века дела перебирал, мысля всю ночь,
Также дела жизни своей числя всю ночь.

То я лежал, то иногда вскакивал я,
Спорил с судьбой, сам над собой плакивал я.

Так я взывал: «О мой тиран, сколь ты жесток,
Несправедлив к жертве своей, злобный мой рок!

Верности чужд, правды в тебе малости нет,
К праведникам, к мученикам жалости нет.

Занят одним делом, палач, ты искони:
Казни и гнет! Или казни, иль изгони!

Чем я тебе так помешал, чем надоел?
Ведь между мной и меж тобой не было дел!

В тесном углу мира один жить я привык,
В скудной тиши, горести сын, жить я привык.

Я не роптал, радовался, что одинок,
Что от друзей, что от всего мира далек.

Счастье познав истиннейшей сути свобод,
Освобожден был я от всех низких забот.

Сам я избрал этот покой, этот затвор,
О, если б мог я пребывать в нем до сих пор!

Словно во сне, жил я, но ты — настороже —
Сон мой прервав, новый капкан ставил душе.

В новый капкан мне суждено было попасть,
Имя ему — царский венец, ханская власть.

Сделав меня счастьем друзей, горем врагов,
Под ноги мне ты ль не поверг вскоре врагов?

В пору, когда я возлюбил радостей пыл,
В пору, когда слово «печаль» я позабыл,—

Ты мою власть отнял, всего снова лишил,
Родины прах отнял, меня крова лишил.

Сделал меня дервишем ты, в нищенство вверг,
И предо мной радостей свет сразу померк.

Определил ты мне в друзья горе и страх,
Боль и печаль стали моей стражей в путях.

Радости где? Почести, власть, слава? Их нет!
Где все друзья? Слева их нет, справа их нет!

Это же все было, а ты отнял, палач!
Встречусь теперь людям — и вслед слышу их плач.

Что ж ты меня возвеличал, если я мал?
И для чего с прахом сравнял, раз поднимал?

Кары такой и не постичь здравым умом:
Дом возвести — и развалить собственный дом!

Вовсе в тебе совести нет, жалости нет,
Даже добра, видно, в тебе малости нет!

Как же такой мир почитать, верить в него?
Мерой какой низости мне мерить его?

Он ли души прочный оплот, крепость надежд?
Бич мудрецов, славы родник он для невежд!

Их неспроста держит в чести он искони —
Столь же он груб, столь же лукав, как и они.

Нет, мудрецу жить с ним в ладу мига нельзя!
Лжи и коварств молча терпеть иго — нельзя!»

. . . .

В мыслях таких я не смыкал глаз в эту ночь,
В горе моем кто же когда мог мне помочь?

Так пролежал я до утра — и, наконец,
Солнце взошло, вестник добра, лекарь сердец.

Молвило мне по доброте вечной оно:
«Чем же, мой сын, сердце твое омрачено?

О имя рек, ведомо мне: ты угнетен,
Но, человек, ты не навек брошен в зиндон.

Мне в океан всех мировых слез не собрать —
Низок сей мир, но на него сердце не трать!

Стоит ли он даже хулы, весь этот мир!
Стоит ли он горсти золы, весь этот мир!

Даже забудь имя его — мерзость и грязь!
Дух закалив, с миром порви всякую связь.

Золото здесь ты потерял, почести, власть?
В жертву за них душу свою стоит ли класть?

Короток срок радостей всех мира сего:
Око открыл, око закрыл — только всего!..»

8

Коль память обо мне, ты, ветер мой, хранишь,
Заговори со мной, мои слова услышь!

Меня ты пожалей, найди моих друзей
И расскажи им все об участи моей.

О том, чем я живу, о вере и беде,
О том, куда иду и обитаю где.

Скажи моим друзьям: «Живет Захириддин,
Как описал он сам в посланьях «Мубайин».

Бессилье — мой удел, и ни одно из дел,
Что сделать я хотел, я сделать не сумел.

Спастись бы мне от зол, учителя б найти,
Чтоб он меня повел по должному пути.

Увы, я не спасусь, наставником храним,
Нет силы у меня, чтоб следовать за ним.

Нет воли у меня, стремления души,
Слова мои грешны, дела нехороши.

Нет у меня ни ног — наставника искать,
Ни слуха, чтоб я мог словам его внимать.

Чтобы дела свершать, влеченья нет и рук,
Чтоб истину познать, я глуп, мне недосуг.

Злой мною движет дух, земных страстей я раб.
Грешнейший из людей, душой я слишком слаб.

Вино — моя душа, влечение мое,
Маъджун и анаша — влечение мое.

Мне с пьяницами жить и чаши осушать,
Неверных жен любить и гурий целовать.

Я — слабый человек, и славу, как коня,
Взнуздать и оседлать — вот счастье для меня.

Мне надо, чтобы все, мой слушая приказ,
Лежали предо мной, поднять не смея глаз.

Чтоб дотянуться мог я до всего рукой,
Чтоб злато в мой чертог всегда текло рекой...»

Безумец я, глупец! Кто чем бы ни владел,
Здесь — все мираж, а там для всех один удел.

Ты борешься, живешь, а цель едва видна.
Чем долее идешь, тем далее она.

Быстротекуча жизнь, всяк смертен человек,
О боже, цель приблизь или продли мой век.

О всемогущий бог, мы все твои рабы,
Ты направляешь нас и вертишь круг судьбы.

Мы мечемся, горим во власти суеты,
А все вершится так, как разумеешь ты.

Ты хоть когда-нибудь мне помощь окажи,
Наставь на верный путь, дорогу укажи.

В теченье жизни всей я не по правде жил,
По прихоти своей и правил и грешил.

Передо мною все туманно впереди,
Меня с пути греха, о боже, уведи.

Направь меня, аллах, очисть мои дела,
А замыслы врагов испепели дотла.

Мой разум, силу, слух — все привлеки к себе,
Надежду, веру, дух — все привлеки к себе.

Познанием тебя меня займи, утешь,
Служением тебе в душе заполни брешь.

И не пытай меня весельем, мой бог,
Не развращай меня бездельем, о мой бог!

Попутчика пошли, чтоб с ним идти мне вдаль,
Дай друга, чтобы он со мной делил печаль,

Приблизь и укажи, где истина, где ложь,
Храни меня, пока к себе не призовешь.

КОММЕНТАРИИ

Алиф — здесь в значении стройный.

Ахси — древняя столица Ферганской долины. Прежде город был известен под названием Ахсикат. Ныне его развалины фигурируют под названием Ахси. Он расположен на правом берегу Сырдарьи, на территории кишлака Шаханд современного Наманганского района Наманганской области.

Вассалам — конец.

Газель — лирическое стихотворение.

Джамшид — легендарный царь, обладатель волшебного неисчерпаемого кубка.

Дирхем — серебряная монета.

Дутар — двухструнный щипковый музыкальный инструмент.

Зиндон — подземелье, тюрьма.

Иса — Иисус.

Кааба — название храма в Мекке, священном городе всего мусульманского мира.

Кебаб — шашлык.

Кытъа — короткое стихотворение из двух, трех или более двустиший, причем все первые полустишия не рифмуются, а во всех вторых одна и та же рифма.

Лейли — имя лирической героини произведений многих поэтов Востока.

Меджнун — безумный, нарицательный образ влюбленного.

Масневи — стихотворная форма с парной рифмовкой полустиший.

Муамма — восточный литературный жанр, основанный на игре слов.

Мускус — ароматическое вещество черного цвета. В восточной поэзии распространенный символ черноты и аромата.

Най — музыкальный инструмент типа свирели.

Науруз — праздник весны.

Райхан — базилик.

Ризван — имя ангела.

Рубаи — четверостишие.

Салам — привет.

Салман Саведжи — известный персо-таджикский поэт.

Семь частей земли — то есть всю обитаемую землю. По древним и средневековым представлениям вся обитаемая земля состоит из семи поясов или «климатов».

Сердолик — драгоценный камень красного или оранжевого цвета.

Фард — двустишие.

Фархад — лирический герой многих поэм Востока.

Хассан — древнеарабский поэт, отличавшийся красноречием.

Хафиз — известный персо-таджикский поэт.

Хызр — легендарный пророк, нашедший источник живой воды.

Чанг — национальный музыкальный инструмент наподобие цимбал.

Човган — клюшка для игры в конное поло, а также название самой игры. В поэзии часто символизирует судьбу.

Шейх — духовный наставник.

Ширин — героиня поэм многих восточных поэтов.

НА ИЛЛЮСТРАЦИЯХ

На обложке и в цветных вкладках даны миниатюры, созданные к старинным рукописям эпохи Бабуридов.

На обложке — охота.

На фронтисписе — Бабур в саду.

Унван рукописи «Дивана» Бабура.

Урок военного дела.

Рождение Акбара.

Пир во дворце.

Переправа через реку.

Подготовка к пиру.

СОДЕРЖАНИЕ

Избранная лирика Востока

ЗАХИРИДДИН МУХАММАД БАБУР

Избранная лирика

Издательство ЦК Компартии Узбекистана
Ташкент — 1982

Техредактор Г. Ломиворотова
Корректор З. Забровская

Сдано в набор 20.01.82. Подписано в печать 8.06.82.
Формат 70×90 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура школьная
Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,68+7вкл. Уч. изд. л. 4,42.
Тираж 280 000. Заказ № 2741.
Цена на мелованной бумаге — 75 коп.,
на типографской бумаге — 65 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени
типография Издательства ЦК Компартии Узбекистана,
Ташкент, ул. «Правды Востока», 26.